

Ева Арк

Три лилии Бурбонов. Генриетта Мария

Ева Арк

**Три лилии Бурбонов.
Генриетта Мария**

«Автор»

2026

Арк Е.

Три лилии Бурбонов. Генриетта Мария / Е. Арк — «Автор»,
2026

Отношения английской королевы Генриетты Марии Бурбон с Генри Джермином, герцогом Сент-Олбанс, представляли собой сложный клубок из долга, страсти, политических интриг и личных разочарований. Он стал для неё, возможно, единственным настоящим другом во время её жизни в Англии и в годы изгнания во Франции. Некоторые считали Джермина её любовником, другие – тайным мужем. Их роман, разыгрывавшийся на фоне бурных событий английской истории, оставил неизгладимый след в судьбе королевы и её окружения.

© Арк Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Маленькая мадам	5
Глава 2	17
Козни Бекингема	17
Глава 3	31
Близкий друг королевы	31
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ева Арк

Три лилии Бурбонов. Генриетта Мария

Глава 1

Маленькая мадам

5 марта 1623 года в Луврском дворце в Париже состоялась репетиция балета «Праздники Юноны». Главную роль в нём исполняла королева Анна Австрийская, которой было немногим больше двадцати. Роль же Ирис, вестницы богов, досталась её тринадцатилетней золовке Генриетте Марии. За репетицией незаметно наблюдали два молодых человека.

– Какая из дам тебе больше нравится, Стини? – поинтересовался у своего спутника на английском языке тот, что помладше.

– Конечно, королева, ваше высочество! Она – самая красивая!

– А как ты находишь принцессу? Не правда ли, она очаровательна?

В ответ Стини пожал плечами:

– На мой вкус, слишком худая и ростом не вышла.

– Зато как грациозно танцует! Жаль, что она католичка...

– Я уверен, ваше высочество, что как только мы прибудем в Мадрид и вы увидите инфанту, то сразу забудете про эту девчонку!

Стини, настоящее имя которого было Джордж Вильерс, в Париже находился проездом, сопровождая принца Уэльского, инкогнито направляющегося в Испанию, чтобы жениться на младшей сестре Анны Австрийской. Поэтому после репетиции молодые люди поспешили удалиться. Узнав об этом, королева Франции высказала предположение, что принц, вероятно, плохо рассмотрел Генриетту Марию при таком слабом освещении и на большом расстоянии:

– Её лицо и фигура более выгодно смотрятся вблизи.

Сама же принцесса лишь простодушно заметила:

– Я не думаю, что ему нужно было ехать так далеко в Испанию в поисках невесты. Он мог бы жениться гораздо ближе.

Однако Джордж Вильерс оказался прав: прелести полненькой рыженькой Марии с первой же встречи вытеснили из сердца Карла Стюарта образ грациозной брюнетки. Но вот беда – инфанта наотрез отказывалась выходить замуж за протестанта, и, хуже того, в этом её поддерживал брат, король Филипп IV, со своим первым министром Оливаресом. В общем, испанцы требовали, чтобы принц сначала перешёл в католичество, а потом ещё в течение года после свадьбы жил в Мадриде. В свой черёд, Елизавета Бурбон, королева Испании, предупредила Карла:

– Вам никогда не завоевать мою золовку, поэтому лучше обратите внимание на мою сестру.

После шести месяцев бесплодных переговоров разъярённые Карл Стюарт и Джордж Вильерс, уже ставший герцогом Бекингемом, вернулись ни с чем в Англию.

– Я знаю, что вы ни в чём не виноваты, мои милые мальчишки! – заключив их в объятия, со слезами на глазах произнёс король Яков I. – Это всё происки подлых испанцев!

– Мне нужно было жениться на сестре Людовика XIII, папа, – в сердцах ответил Карл.

– Но я думал, что за инфантой дадут гораздо большее приданое, а король Испании поможет нашему зятю вернуть Пфальц...

Неожиданно Бекингем слегка кашлянул.

– Ты что-то хочешь сказать, Стини? – воспользовавшись этим, ласково спросил король.
– Я думаю, ваше величество, что ещё не всё потеряно. Ведь Генриетта Мария Французская до сих пор незамужем!

– Да, и она – премиленькая брюнетка! – поддержал его принц.

– Ты, пожалуй, прав, Стини, – задумчиво произнёс Яков I. – Если только Людовик согласится дать за ней миллион...

Генриетта Мария родилась в Луврском дворце в Париже 25 ноября 1609 года и была младшим ребёнком из шести детей короля Франции Генриха IV Бурбона и его второй жены Марии Медичи. Узнав о рождении дочери, её отец заявил:

– Я отдал бы сто тысяч ливров, если бы ребёнок оказался ещё одним сыном!

Вероятно, его жена, которая до того произвела на свет двух принцесс и трёх принцев, тоже была не слишком рада. К счастью, со стороны братьев и сестёр Генриетту Марию ждал более тёплый приём. По крайней мере, старший, семилетний Людовик, которого после некоторых возражений впустили в спальню матери, заявил:

– Моя новая сестра смеялась надо мной и пожимала мне руку!

Впрочем, вскоре Генрих IV отошёл и когда ему становилось грустно (а в последнее время его часто мучили дурные предчувствия), он приказывал принести к нему Генриетту Марию и её брата Гастона, и подолгу играл с ними.

Из-за того, что она была младшей в семье, а также из-за невысокого роста принцессу, названную в честь обоих родителей, в семье прозвали «Маленькая мадам». О раннем детстве Генриетты Марии мало что известно. Но, как печально заметил один из её биографов, её неприятности начались до того, как она смогла о них узнать. Первое появление шестимесячной принцессы на публике произошло на коронации матери, спустя же двенадцать дней её отнесли в собор Сен-Дени, чтобы она могла проститься со своим отцом, убитым 14 мая 1610 года фанатиком Франсуа Равальяком. А уже 17 октября все королевские дети присутствовали на коронации своего старшего брата Людовика XIII в Реймском аббатстве.

Крещение Генриетты Марии и её второго брата Гастона состоялось 15 июня 1614 года. Крёстной матерью герцога Анжуйского стала Маргарита Валуа, первая жена его отца, крёстным отцом – кардинал де Жуайез. А принцессы – соответственно старшая сестра Елизавета и кардинал Ларошфуко.

Говорили, что Маленькая мадам страстно любила мать, но флорентийка заботилась о ней гораздо меньше, чем о своей средней дочери Кристине. Поэтому Генриетта Мария ревновала сестру к матери. Что же касается Елизаветы, то её выдали замуж в Испанию, когда её младшей сестре было шесть лет, после чего они больше никогда не виделись. Однако Генриетта Мария получала от неё трогательные письма и подарки, например, туалет для куклы:

– Чтобы ты, играя, вспоминала меня!

Приехавшая же из Мадрида Анна Австрийская, которая вышла замуж за Людовика XIII, была плохой заменой Елизавете. Надменная испанка не поладила с Марией Медичи и поэтому стала мишенью искромётного и несколько едкого остроумия маленькой золовки. Вероятно, свой весёлый нрав Генриетта Мария унаследовала от отца, как и Кристина, с которой она не теряла связи до конца своих дней.

«Её отношения с братьями были очень нежными, – утверждает английская писательница Генриетта Хейнс в своей книге «Генриетта Мария Французская», – король, в частности, ценил её как любимую сестру, вероятно, из-за её остроумия, качества, которым он, как и многие люди, которые сами по себе скучны, очень восхищался».

Хотя после отъезда Елизаветы Маленькая мадам действительно стала любимой сестрой Людовика XIII, особенно близкие отношения у неё сложились с другим братом, Гастоном, который родился всего на год раньше её.

Большую часть детства Генриетта Мария провела в Сен-Жермене с его прекрасным лесом и террасой с видом на Сену, находясь на попечении своей гувернантки, баронессы де Монгла, по прозвищу «Маманга». Вместе с Гастоном она обучалась чтению и письму, хотя эти навыки принцессы были весьма посредственными. Своё первое письмо принцесса написала Маманге с извинениями за свою вспышку гнева: «Я не могу ни с того, ни с сего стать хорошей, но я сделаю всё, что в моих силах, чтобы доставить тебе удовольствие, а пока прошу тебя больше не сердиться на меня».

Дети легкомысленно относились к урокам одного из образованнейших людей своего времени, Франсуа Сазари де Брева, бывшего посланника при дворе турецкого султана, предпочитая зубрёжке игры и танцы. Позднее Генриетта Мария неоднократно высказывала сожаление, что её знакомство с историей Англии оставляло желать лучшего. Придворные отмечали, что она была непоседливым ребёнком, неутомимым в развлечениях, вспыльчивым, но добрым и отзывчивым. Как и её сёстры, Маленькая мадам обучалась танцам, пению и верховой езде. Причём позже она хвасталась английскому послу, что больше всего любит «ездить на спине». Кроме того, Генриетта Мария превосходно танцевала и пела, и с удовольствием принимала участие в придворных балетах, столь любимых молодой королевой Анной Австрийской и даже угрюмым, чуждым прочим светским развлечениям, Людовиком XIII.

Ввиду юного возраста короля регентшей стала Мария Медичи, правившая до 1617 года, когда король приказал убить её фаворита Кончини, а мать отправил в ссылку в Блуа. Английская писательница Ида Тейлор в своей книге «Жизнь королевы Генриетты Марии» утверждает, что Мария Медичи взяла с собой младшую дочь: «В период, когда Генриетта составляла компанию своей матери в её вынужденном уединении, эти двое не могли не быть более тесно связаны, чем это было в то время, когда регентша была занята государственными делами».

Без сомнения, флорентийка воспользовалась этим, чтобы подчинить себе волю девочки и воспитать в ней набожность, которая была характерна для неё самой. Поэтому любовь Генриетты Марии к матери выдержала испытание временем и разлукой. Однако принцесса недолго прожила в Блуа. 19 февраля 1619 года она, по желанию брата-короля, присутствовала на свадьбе своей сестры Кристины в Париже. Франциск Сальский, епископ Женевский, причисленный позже к лику святых, наблюдая за Маленькой мадам, заметил, какое удовольствие принесло это ей, и, как, говорят, предсказал:

– Ей предназначено Богом в будущем поддержать Его Церковь!

Не успели свадебные торжества закончиться, как из Блуа пришло известие о побеге Марии Медичи. Переезд принцессы в Лувр принёс в её жизнь большие перемены. После того, как Елизавету выдали замуж за будущего испанского короля Филиппа IV, а Кристину – за старшего сына герцога Савойского, Людовик XIII начал подыскивать жениха младшей сестре. Но, хотя теперь она официально носила титул «королевская мадам» как старшая незамужняя сестра французского короля, близкие по-прежнему называли её «Маленькая мадам». Один из источников сообщает, что Генриетта Мария была «неуклюжим подростком, с огромными глазами, костлявыми запястьями, выступающими зубами и миниатюрной фигурой». Таким образом, она не блистала красотой, как её сёстры, зато у неё был изящной формы нос и хороший цвет лица, который оттеняли чёрные локоны. А её сверкающие тёмно-карие глаза настолько очаровали шестнадцатилетнего графа Суассонского, что он даже осмелился попросить её руки у короля.

Некоторое время Людовик XIII раздумывал, выдать или нет замуж младшую сестру за их кузена, в то время как Елизавета в своём письме от 15 апреля, вероятно, 1619 года, нежно поддразнивала её: «Маманга призналась мне во всех (твоих) любовных похождениях с графом Суассонским».

На самом деле, Генриетте Марии не нравился её предполагаемый жених.

В сентябре следующего года она отправилась в Консьер, чтобы принять участие в церемонии примирения короля и Марии Медичи. Но флорентийка отказалась возвращаться в Париж, и принцесса «не осмелилась последовать за матерью, чтобы не вызвать неудовольствия своего брата».

Тем временем королевский фаворит герцог де Люинь в 1620 году тайно отправил послов в Лондон с предложением руки Генриетты Марии принцу Уэльскому, наследнику английского престола. Сначала Яков I милостиво принял этот брачный проект, но потом отклонил его: он вёл серьёзные переговоры о женитьбе своего сына на инфанте Марии. Когда Маленькой мадам сказали, что её религия не позволяет ей выйти замуж за Карла, она резко ответила:

– У жены не должно быть никакой воли, кроме воли её мужа.

Как раз в это время Мария Медичи, наконец, вернулась в Париж и снова рьяно взялась за религиозное воспитание младшей дочери. Генриетта Мария регулярно посещала монастырь Кармель-де-Л'Энкарнасьон, более известный как монастырь кармелиток, в предместье Сен-Жак. Там принцесса проходила обучение у настоятельницы Магдалины де Сен-Жозеф. Кроме того, королева-мать возобновила работы над строительством своего Люксембургского дворца и в конце 1621 года пригласила Рубенса для его оформления. Наверняка Генриетта Мария тоже была знакома с великим живописцем, благодаря которому сформировался её художественный вкус.

К 1622 году она уже имела собственный небольшой двор, состоявший из двух сотен придворных и слуг. А весной 1623 года король Франции начал вести переговоры о браке сестры с императором, но снова неудачно.

Тем временем в начале 1624 года Яков I, обиженный неудачей, постигшей его сына в Мадриде, отозвал из Испании своего посла лорда Бристоля.

«Провал переговоров, – пишет Ида Тейлор, – был встречен в Париже с величайшим удовлетворением».

По просьбе королевы-матери кардинал Ришельё, первый министр Франции, тайно отправил в Англию некоего монаха-кордильера, который должен был встретиться в Бекингемом. Фаворит Якова I принял его благосклонно, после чего агент кардинала обратился с просьбой к французскому послу графу де Тильеру переслать в Париж пакет, адресованный одной важной даме. Расспросив его, посол пришёл в дурное настроение из-за того, что его держали в неведении насчёт этих переговоров, и наотрез отказался взять пакет:

– Нанимайте сами курьера для этого поручения!

Так как разобиженный Тильер не стал держать язык за зубами, о миссии кордильера стало известно в Париже, однако Мария Медичи поспешила от всего отпереться. Впрочем, для судьбы её младшей дочери это уже не имело никакого значения.

22 марта 1624 года английский король аннулировал подписанные договоры с испанцами. А ещё до того, в феврале, он отправил в Париж одного из своих фаворитов, Генри Рича, виконта Кенсингтона, прозондировать почву насчёт брака своего сына с Генриеттой Марией. Тридцатичетырёхлетний английский посол был, по уверению всё той же писательницы Генриетты Хейнс, «самым красивым мужчиной своего времени и считался настолько обворожительным, что приводил в отчаяние ревнивых мужей». Таким образом, Кенсингтон прекрасно подходил для должности, которую сам называл «посол для сватовства». Сразу очаровав герцога и герцогиню де Шеврёз, в доме которых он остановился, посол тем же вечером с их помощью добился неофициальной встречи с Марией Медичи и её дочерью.

– Вам нужно искать девушку, на руку которой ещё нет претендентов, – выслушав англичанина, сухо ответила королева-мать, которая не забыла об отказе Якова I.

Однако после того, как Кенсингтон клятвенно заверил её, что инициатива сватовства исходит от самого короля Англии и принца Уэльского, флорентийка призналась:

– Маленькая мадам всё ещё свободна.

Будучи знатоком женской красоты, посол по достоинству оценил очарование Генриетты Марии, если верить его письму к принцу Карлу: «Она настолько красива и мила, что заслуживает вашего внимания, насколько это возможно для любой женщины на свете: по правде говоря, она – самое милое создание во Франции и самое прекрасное создание в природе. Ростом она уступает своему возрасту, а мудростью бесконечно превосходит его. На днях я слышал, как она с необычайной осмотрительностью и живостью рассуждала о себе в присутствии своей матери и других дам. Она танцует – чему я сам свидетель – так хорошо, что лучше я никогда не видел; говорят, она очень мило поёт, и я уверен, что это действительно так».

«Ему также в высшей степени удалось, – утверждает писательница Ида Тейлор, – воспользоваться предоставленной ему возможностью добиться благосклонности будущей королевы».

Хотя, как показали последующие события, Кенсингтон оказался недостоин её доверия.

После этой встречи посол получил также аудиенцию у Анны Австрийской, которая, несмотря на своё происхождение, шутливо поздравила принца Уэльского «с побегом из Испании». Она заставила Кенсингтона показать ей медальон с миниатюрой, изображавшей Карла, который тот носил на шее. Расхвалив портрет, испанка сказала:

– Будем надеяться, что какой-нибудь счастливый случай снова приведёт принца в Париж!

Так как её мать и брат благосклонно отнеслись к предложению Якова I, Генриетта Мария тоже захотела увидеть портрет принца. Пришлось отправить на переговоры к послу некую даму (скорее всего, герцогиню де Шеврёз), и та принесла медальон принцессе, которая, якобы, поспешила удалиться в свой кабинет, где, краснея, любовалась изображением Карла целый час.

В общем, обе стороны были довольны сложившимся положением вещей, кроме испанского посла, заявившего:

– Принц не может иметь двух жён, поскольку рука инфанты, несомненно, принадлежит ему.

Однако никто не обращал на него внимание, как и на графа Суассона, выразившего своё возмущение тем, что он отказался ответить на приветствие Кенсингтона. После чего бывший жених Генриетты Марии мрачно пояснил:

– Это вызвано моей неприязнью не к вам, а к вашему поручению, которое настолько затрагивает моё сердце, что если бы оно не было сделано от имени столь великого принца, я перерезал бы вам глотку!

Правда, молодой граф вскоре смирился с неизбежным и даже любезно согласился принять в подарок от англичанина лошадь.

Маленькой мадам очень хотелось спросить англичан о своём будущем муже. Её томили дурные предчувствия: ведь Карл был еретиком, как и большинство англичан. Что ждало её в холодной, варварской Англии?

«Это была трудная задача, – утверждает английский писатель Энтони Адольф в своей книге «Королевский прихвостень». – У неё не было таланта к языкам, и она произносила те немногие английские слова, которые знала, так неразборчиво, что большинство англичан с трудом понимали её, а их французский был настолько ужасен, что она не могла разобрать их ответов».

К счастью, среди членов посольства был один молодой человек, который являл собой приятное исключение. Когда его представили Генриетте Марии, она узнала, что его звали Генри Джермин. Этот высокий широкоплечий красавец был третьим сыном Томаса Джермина из Рашбрука. В молодости последний принимал участие в военных экспедициях графа Эссекса во Франции в поддержку отца Генриетты Марии. Но когда фаворита английской королевы Елизаветы I за организацию заговора приговорили к смертной казни, Томас быстренько женился на красавице Кэтрин Киллигрю, принадлежавшей к влиятельному при дворе семейству, и, таким образом, спас свою жизнь. Их младший сын Генри был крещён 25 марта 1605 года в англикан-

ской церкви Святой Маргариты в Лондоне, но почти всё детство и юность провёл в родовом имении Рашбрук-холл в графстве Суффолк, где его отец был мировым судьёй. Там он познакомился со своим соседом и родственником Фрэнсисом Бэконом, знаменитым английским философом, историком и публицистом, который, по-видимому, оказал значительное влияние на его мировоззрение. С детства Генри готовили к придворной жизни, поэтому он выучился недурно танцевать, ездить верхом, стрелять из арбалета и пистолета, играть в мяч, фехтовать на рапирах и владеть мечом. Что касается наук, то наибольшее рвение он проявил к изучению французского языка. Усовершенствовать эти навыки ему, по-видимому, помогли старшие братья Роберт и Томас, которые в 1618 - 1621 годах совершили путешествие по Европе. Но чтобы преуспеть при дворе, нужно было ещё пройти обучение у какого-нибудь высокопоставленного лица. В 1624 году вместе с отцом и средним братом (старший умер в 1623 году) Генри вошёл в свиту лорда Бристоля, назначенного послом в Испании. А после возвращения в Англию его, как перспективного молодого человека, определили в свиту лорда Кенсингтона.

Как и его новый патрон, девятнадцатилетний юнец сразу поддался очарованию Маленькой мадам и был готов ответить на все её вопросы. Естественно, Генриетту Марию, в первую очередь, интересовали жених и его семья. Но Джермин мог сообщить ей лишь то, что было известно всей Англии: король Яков I являлся единственным сыном злосчастной шотландской королевы Марии Стюарт, казнённой своей соперницей, бездетной Елизаветой I Тюдор. В качестве компенсации последняя завещала свой престол Якову, объединившему, таким образом, под своим скипетром три короны – Англии, Шотландии и Ирландии. Будучи одним из самых образованных людей своего времени, будущий свёкор Генриетты Марии способствовал развитию ренессансной культуры, в частности, он присвоил труппе Шекспира статус королевской, а Фрэнсиса Бэкона, дядю Джермина, назначил лорд-канцлером. Однако, родившийся после гибели отца и воспитанный в ненависти к матери, Яков I тянулся к молодым и привлекательным дворянам, самым знаменитым из которых был герцог Бекингем, которому стареющий король, по сути, доверил управлять страной от своего имени. От покойной Анны Датской он имел семерых детей, из которых выжило только двое: Елизавета, жена Фридриха V, бывшего курфюрста Пфальца и короля Богемии, и Карл, принц Уэльский.

С последним, как и с герцогом Бекингом, Генри познакомился в Испании. Конечно, он не рассказывал Генриетте Марии о том, что принц не отличался особыми способностями, поздно научился ходить и говорить и испытывал проблемы со здоровьем.

«Он был робок, молчалив, упрям, – так характеризует Карла в своей книге «Герцог Бекингем» французский писатель Дюшен Мишель. – Глубоко осознавая своё королевское достоинство, он, как в общественной, так и в частной жизни, вёл себя сдержанно, что было несвойственно его отцу. У Карла напрочь отсутствовало то, что мы теперь называем общительностью».

«Он не проявлял нежности ни к кому, кроме своих собак, – вторит ему писатель Энтони Адольф, – (с которыми разговаривал на особом языке, изобретённом им самим)».

Вообще, никто не возлагал на Карла особых надежд, пока после неожиданной кончины его старшего брата Генри Фредерика он не стал наследником престола. Однако Джермин написал его Генриетте Марии как прекрасного принца с безукоризненным нравом и поведением. Его похвал удостоился также и Бекингем:

– Я очень благодарен герцогу за честь и одолжения, оказанные мне в Испании!

Неофициальные беседы Маленькой мадам с Джермином заложили основы нежной дружбы между ними.

В апреле на помощь Кенсингтону король Англии снарядил новое посольство во главе с шотландцем Джеймсом Хеем, графом Карлайлом, который привёз с собой красавицу-жену Люси Перси. Карлайл был известен своим богатством и своей утончённостью. Но, в отличие

от Кенсингтона, он не был красив. Его лицо Елизавета Стюарт, сестра принца Уэльского, охарактеризовала как «верблюжья морда», зато его фигура была идеальной.

Генриетта Мария получила разрешение от матери принять Карлайла и Кенсингтона и дважды со слезами на глазах прочла переданное ей письмо Карла, прежде чем спрятать его в свой шкафчик. Послам, в свой черёд, был передан её портрет. Затем Кенсингтон попросил разрешение на личную беседу с принцессой.

– О чём это вы собираетесь говорить с моей дочерью? – с подозрением поинтересовалась Мария Медичи.

На что англичанин надменно ответил:

– Ничего неподходящего для ушей такой добродетельной принцессы.

Но так как флорентийка настаивала на том, чтобы услышать образец «свободного любовного языка», Кенсингтон удовлетворил её просьбу. Выслушав его, королева-мать с улыбкой махнула рукой:

– Хорошо! Хорошо! В этом нет ничего опасного! Я доверяю вам!

«Я тоже не злоупотребил её доверием, – доносил посол принцу, – поскольку не слишком отступил от сказанного и всё повторил мадам, которая выслушала меня с радостью и со сдержанной учтивостью поблагодарила ваше высочество, велев передать, что чрезвычайно обязана вам».

Таким образом, Кенсингтон считал, что успех переговоров зависит от Марии Медичи. Но Карлайл, поговорив с первым французским министром Ришельё, сразу же предупредил своего повелителя, что именно кардинал является истинным правителем Франции.

Дискуссии между ними проходили бурно, наталкиваясь на всё те же подводные камни, что и во время англо-испанских переговоров. Желая погасить свои долги, Яков I хотел, чтобы приданое Генриетты Марии составило 1 000 000 экю золотом. Но, в конце концов, согласился на 800 000 экю. Для сравнения, размер приданого Елизаветы составил 500 000 экю, а у Кристины – 400 000 экю. В отличие от английского короля, Людовика XIII больше волновала религия. Деньги были средством давления на Якова I, от которого Франция хотела получить гарантии по поводу прекращения преследований английских католиков.

Другая трудность заключалась в том, что папа не спешил давать своё согласие на брак католички с протестантом. Вместо этого святой отец предлагал выдать замуж Генриетту Марию за дона Карлоса, младшего брата короля Испании, с тем, чтобы они получили во владение Фландрию. Узнав об этом, Яков I в августе согласился издать акт в пользу католиков своего королевства. А Мария Медичи отправила в Рим аббата Пьера де Берюля, основателя французского отделения католического общества ораторианцев.

Наконец, поздним сентябрьским вечером послы объявили, что соглашение достигнуто в присутствии двух королей и Маленькой мадам, так как король был на охоте. Радость Марии Медичи была чрезмерной, а её невестка воскликнула:

– Если бы мне подарили королевство, то я бы радовалась меньше!

(Возможно, Анне Австрийской просто надоели колкости золовки и она рада была избавиться от неё).

Затем все взоры обратились на Генриетту Марию, которая, одарив послов сияющим взглядом и улыбкой, поспешила удалиться, чтобы насладиться своей радостью наедине. Но тут её догнал Гастон, до которого тоже дошли хорошие вести:

– Согласитесь, что это самый счастливый день в вашей жизни!

Хотя Кенсингтон не слышал ответ принцессы, однако был уверен, что она ответила утвердительно. Королева-мать приказала фрейлинам петь дифирамбы жениху своей дочери, дабы убедить ту, что она любимица Фортуны, и Генриетта Мария слушала их с нескрываемым удовольствием. Со своей стороны Кенсингтон, надо отдать ему должное, сделал всё, чтобы интерес Карла к его невесте не ослабевал. Однажды он вошёл в комнату Маленькой мадам, которая

пела, стоя к нему спиной, и был поражён её мастерством, о чём поспешил уведомить принца Уэльского.

Кларендон, в свою очередь, старался не отставать от него, и когда, устав ждать разрешения папы на брак, 20 ноября два короля решили подписать предварительные брачные статьи, он сообщил Карлу, что Мария Медичи сказала принцессе:

– Радуйся, дочь моя, как радуюсь я сама, от всего сердца!

И Генриетта Мария радовалась. Так, если день проходил без встречи с англичанами, она говорила, «что это равносильно смерти для неё». Её утешали только письма от Карла.

Принц Уэльский хотел было сам пересечь Ла-Манш и привезти супругу, но Яков I воспротивился: ему хватило поездки сына в Мадрид. Было решено, что в Париж отправится Бекингем и заключит брак по доверенности, а затем, в середине марта, привезёт принцессу в Англию.

В январе 1625 года из Рима пришло разрешение на брак, а в марте скончался Яков I. Поэтому свой брачный контракт 8 мая жених Генриетты Марии уже подписывал в качестве нового короля Англии.

Как написал позже в своих мемуарах Ришельё, это событие было «почётно и полезно для Церкви и государства». «Плодотворно для Церкви, – продолжает он, – поскольку таким образом она будет избавлена от преследований, которым она может подвергнуться в этом королевстве; плодотворно для государства, поскольку эта принцесса (Генриетта Мария), будучи католичкой, не только сможет предотвратить то, что французские гугеноты не получают никакой помощи из Англии, но, кроме того, сможет предоставить её французским католикам благодаря абсолютной власти, которую она будет иметь среди своих».

Кажется, это был один из тех редких случаев, когда великий кардинал ошибся в своих прогнозах, недооценив ту глубину, на которую протестантизм пустил корни в Англии.

В начале контракта также упоминалось, что брак Карла I и Генриетты Марии направлен на «всё большее и большее укрепление их корон посредством неразрывной дружеской связи».

После этой преамбулы следуют двадцать шесть статей. Напомним, что брачный контракт Елизаветы включал только двенадцать, а контракт Кристины – восемь, что хорошо показывает сложность заключения брака Генриетты Марии.

После её помолвки должна была состояться свадьба во Франции «в соответствии с порядком и формой» двух браков Генриха IV. Затем Генриетта Мария «будет доставлена в Англию как можно скорее». Поездка будет профинансирована Людовиком XIII до города, из которого она отправится в Англию. Как только принцесса прибудет туда, брак будет снова подтверждён в «одном из залов королевского дворца», где также состоится «публичное чтение» брачного контракта и доверенностей, которые позволили его заключить. Далее Карл I повторно ратифицирует договор в присутствии послов Людовика XIII и «вельмож» его королевств. При этом не будет «никаких церковных церемоний».

В первых пяти статьях рассматриваются достигнутые договорённости относительно религии Генриетты Марии. Папа Урбан VIII разрешил ей вступить в брак, но при условии, что ей не придётся отказываться от католицизма и что она всю свою жизнь будет окружена священниками. Таким образом, этот брачный контракт предоставляет королеве Англии, её свите и детям «свободу исповедовать католическую, апостольскую и римскую религию». Для этого она «будет иметь часовню во всех королевских домах и в любом месте во владениях короля Великобритании, где бы она ни находилась». Генриетте Марии также было предоставлено право на строительство католического кладбища в Лондоне, чтобы хоронить «в соответствии с обычаями Римской Церкви» членов её свиты.

Что касается двора королевы, то было решено, что её будут сопровождать двадцать восемь «священников или священнослужителей». Среди этих людей будет епископ, который станет её великим капелланом. Об общем составе двора говорится, что он будет «составлен

с таким достоинством и таким количеством офицеров, какого никогда не было ни у одной английской королевы». Все слуги и члены её свиты, которые будут сопровождать её в Англию, будут «католиками и французами, избранными его величеством». Если они умрут или Генриетта Мария захочет заменить их, она выберет других, которые должны быть католиками, французами или англичанами, с согласия Карла I.

Возвращаясь к условиям, касающимся приданого, выплата предусматривалась двумя частями. Первая половина будет выплачена «за день до свадьбы в лондонском Сити», а вторая половина – годом позже. Если Карл умрёт раньше Генриетты Марии и у них не будет детей, её приданое будет «полностью (возвращено)» ей и она сможет распоряжаться им «по своему усмотрению», независимо от того, останется ли она в Англии или вернётся во Францию. Если у них останутся дети, вдова получит только две трети своего приданого, а последняя треть будет «предоставлена» их детям. Также она будет получать «всю свою жизнь» ренту от указанной трети. После смерти Генриетты Марии её дети унаследуют последние две трети её приданого. Если она умрёт раньше своего мужа, оставшись бездетной, Людовик XIII согласился потребовать реституции только половины приданого.

Дети, которые родятся от указанного брака, будут «воспитываться до тринадцатилетнего возраста у госпожи королевы с момента их рождения». Поскольку Генриетта Мария была католичкой, этот шаг предполагал, что она будет воспитывать своих детей в соответствии со своей религией и, следовательно, следующий король Англии будет католиком. Карл I обязался выплачивать своей жене содержание в размере 18 000 фунтов стерлингов в год (60 000 экю) и предоставить ей кольца на 50 000 экю. Помимо приданого и драгоценностей, король «(обязан) содержать мадам и её двор». Если её муж умрёт раньше, Генриетта Мария, независимо от того, есть у них дети или нет, «будет свободно пользоваться любым местом, которое она пожелает оставить на своё содержание».

Следующая статья посвящена её отказу «от всего отцовского и материнского имущества».

В последних двух статьях оба короля обещают «не нарушать ни одного из положений и условий» контракта. Если один из двух королей откажется от «заключения настоящего брака», он должен будет выплатить 400 000 экю в качестве неустойки.

Как и в случае с её сёстрами, брачный контракт Генриетты Марии был подписан в Лувре членами французской королевской семьи (Людовик XIII, Мария Медичи, Анна Австрийская, Гастон Орлеанский), самой Маленькой мадам и чрезвычайными посланцами жениха Карлайлом и Кенсингтоном, который к тому времени уже стал графом Холландом. Некоторые принцы и принцессы крови также поставили свои подписи: Генрих II де Монморанси; Луиза Маргарита Лотарингская, принцесса де Конти; Анна де Монтафье, графиня Суассонская, и Мария де Бурбон, герцогиня Монпансье. Контракт был составлен двумя государственными секретарями Анри Огюстом де Ломени, графом Бриеннским, и Николой IV Поттером.

Следует также упомянуть о секретной статье, которая была составлена обоими королями. Её нет в брачном контракте, но можно найти в предварительных статьях, подписанных Яковом I в декабре 1624 года: «Мы обещаем, что все наши римско-католические подданные будут пользоваться большими свободами и привилегиями во всём, что касается их религии... исповедовать указанную религию и жить как католики, при условии, однако, что они будут делать это скромно и окажут нам послушание, которым добрые и истинные подданные обязаны своему королю, и, по нашей доброте и милосердию, мы не должны будем связывать их никакими клятвами, противоречащими их религии...»

Казалось, этот брачный договор устроил как французский, так и английский двор. Хотя в Париже, по свидетельству современника, были, по крайней мере, двое недовольных. Первый – это испанский посол, «которому, без сомнения, не очень нравится, что Англия и Франция

объединились в такой прочный союз», а второй – граф Суассонский, который был разочарован потерей своей невесты.

Сама же Генриетта Мария казалась очень довольной. Она обменялась несколькими официальными любовными письмами со своим будущим мужем, который использовал в качестве посредника молодого протеже Бекингема по имени Уолтер Монтегю. В марте 1625 года тот покинул Париж ещё до кончины Якова I и вернулся в Англию с хорошими новостями, что принцесса будет доставлена в Англию через тридцать дней. Монтегю дополнил описанные Холландом прелести Генриетты Марии. «Я влюбил принца в каждый волосок на голове мадам», – жизнерадостно отчитался он Карлайлу.

Жених же был настолько нетерпелив, что не позволил надолго отложить свадьбу даже из-за траура по своему отцу.

Помолвка состоялась 8 мая в праздник Вознесения Господня одновременно с подписанием контракта в спальне Людовика XIII. Жениха «по доверенности» представлял Карл Лотарингский, герцог де Шеврёз, а церемонию проводил кардинал Ларошфуко, который когда-то крестил невесту. Шеврёз же был выбран на эту роль потому, что приходился троюродным братом Якову I благодаря своим родственным узам с Марией Стюарт.

Генриетта Мария вошла в комнату в сопровождении матери и герцогини де Шеврёз. Её великолепное платье было сшито из золотой и серебряной тканей, густо усыпанных золотыми лилиями и украшенных бриллиантами и другими драгоценными камнями. Шлейф несла мадемуазель де Бурбон (будущая герцогиня де Лонгвиль), но она была настолько мала, что длинные, тяжёлые складки наряда невесты на самом деле поддерживала дочь баронессы де Монгла, госпожа Сен-Жорж, которая должна была сопровождать молодую королеву в Англию.

Вечером в Лувре состоялся бал, в то время как снаружи стреляли пушки и был устроен фейерверк. Английский альянс был очень популярен в Париже. Хотя жених был королём Англии и еретиком, он также был шотландцем по рождению и внуком горячо любимой французами Марии Стюарт, которая, как говорили, несомненно молилась на небесах о его обращении. Поэты же сравнивали этот брак с союзом сестры Марса с Нептуном, повелителем волн, который, как надеялись, приведёт к миру между двумя королевствами.

Поэтому неудивительно, что ранним утром 11 мая 1625 года возле собора Парижской Богоматери собралось, невзирая на дождь, множество зрителей. Толпа была настолько велика, что соседние улицы пришлось оградить шлагбаумами и патрулировать швейцарской гвардией, чтобы освободить проезд каретам знати, которые постоянно подъезжали к дверям собора.

Предыдущий день Генриетта Мария провела в любимом монастыре матери у монахинь-кармелиток, которых аббат Берюль «вывез из Испании». Там подруга Маленькой мадам, мать Магдалина, дала ей множество советов. Затем невеста вернулась в Лувр, чтобы провести там ночь, пока около двух часов дня не отправилась во дворец архиепископа Парижа, где провела несколько часов, надев то же великолепное платье, которое было на ней во время обручения. Пробыло пять часов, когда её брат, король, пришёл за ней, чтобы отвести в собор.

Основная трудность в проведении церемонии заключалась в разнице вероисповеданий между будущими супругами. Поэтому свадебная церемония проходила в специально построенном «театре» перед собором Парижской Богоматери, на помосте под золотым балдахином. Её также проводил кардинал де Ларошфуко. В частности, место, где проходило венчание, было подробно описано в газете «Французский Меркурий»: «Церковь Нотр-Дам была увешана самыми богатыми королевскими гобеленами, затканными золотом, серебром и шёлком, какие только можно достать; в алтаре – изображения деяний апостолов, а в нефе – триумфы и победы Сципиона над карфагенянами. Оттуда выходит галерея на высоте восьми футов, опирающаяся на несколько колонн, которая ведёт к «театру» перед большим порталом церкви, где должно состояться бракосочетание: эта галерея сверху покрыта пурпурным атласом, всё усыпано золотыми лилиями, а снизу украшено цветами из прекрасного вощёного льняного полотна. От

театра на всём протяжении и в середине нефа находится ещё одна наклонная галерея, ведущая к первой ступеньке входа в ворота алтаря, а в середине алтаря – большая клумба, приподнятая на три градуса, и королевский помост наверху, засаженный лилиями».

«Французский Меркурий» также даёт информацию о людях, присутствующих на церемонии, и о порядке, в котором участники церемонии проходят в «театр». Первыми должны войти президент парламента и советники, а также глава гильдии купцов и её члены. Затем настала очередь герцога де Шеврёза в сопровождении двух английских послов, графов Карлайла и Холланда. Наконец, вошла невеста, которую сопровождают два её брата, Луи слева от неё и Гастон справа. Кроме платья, Генриетта Мария была облачена «в просторную лиловую бархатную мантию, усыпанную спереди, вокруг и посредине цветами лилий, расшитую и усеянную горностаями». На голове у принцессы красовалась золотая корона с бриллиантами и огромной жемчужиной спереди. Шлейф её мантии несли принцессы Конде и Конти и графиня де Суассон, мать отвергнутого жениха, который попросил разрешения не присутствовать на церемонии и получил его. Как только состоялось вручение колец, английский полковник Джордж Горинг немедленно вскочил на коня и помчался в сторону Булони, дабы принести Карлу I радостную весть, что он стал супругом.

По завершении венчания внутри собора прошла месса, в то время как герцог де Шеврёз и послы остались снаружи. В тот же вечер во дворце архиепископа был накрыт банкет. В центре стола сидел король, по правую руку от него – его мать, а по левую – Генриетта Мария. Шеврёз и английские послы имели честь сесть за стол с королевской свитой, которую обслуживали «наши господа принцы, герцоги, пэры и маршалы Франции». Снаружи на каждой улице можно было видеть костры и фейерверки, так что казалось, что никогда ещё не было такого ликования, как по случаю свадьбы младшей сестры короля.

Можно было ожидать, что юная королева сразу же отправится на свою новую родину, но, однако, возникли задержки из-за агентов папы, которые были раздражены тем, что бракосочетание состоялось до того, как были улажены все формальности с Римом. Когда эти трудности были преодолены, заболел Людовик XIII, из-за чего, возможно, отъезд его сестры был бы отложен на ещё более длительное время, если бы не произошло событие, ускорившее его, а именно прибытие 14 мая в Париж герцога Бекингема, которому Карл I поручил доставить свою супругу в Англию. Своей эффектной внешностью и галантными манерами фаворит двух английских королей произвёл большое впечатление на французских дам и Анну Австрийскую, но не на Генриетту Марию. Она решила, что Генри Джермин не менее очарователен и, вдобавок, моложе тридцатидвухлетнего герцога.

Тем временем, сама не подозревая о том, юная королева Англии оказалась в центре политических и любовных интриг. Правда, как и все вокруг, она замечала демонстративные ухаживания Бекингема за Анной Австрийской во время празднеств в честь её бракосочетания. Однако не подозревала, что свести эту пару задумали ярая интриганка герцогиня де Шеврёз и её любовник граф Холланд.

Самое роскошное празднество в честь Генриетты Марии устроил Ришельё в Люксембургском дворце королевы-матери. По этому случаю просторные комнаты пышно украсили и пригласили самых искусных музыкантов, которых только мог предоставить Париж. Пока гости наслаждались музыкой, кардинал использовал всё своё обаяние, чтобы очаровать трёх королев. По окончании представления все вышли в сад, чтобы посмотреть на фейерверк, «самое великолепное изобретение, которое видели за долгое время».

«Когда королева Генриетта просталась с ним с благодарной сердечностью, – пишет Генриетта Хейнс, – он (Ришельё) устремил на неё свой пронизательный взгляд и увидел в ней ещё одно послушное орудие своих амбиций, также, как она видела в нём своего защитника и друга. Ни государственный деятель, ни королева не могли разгадать тайны будущего и знать, что вскоре каждый станет считать другого врагом».

2 июня 1625 года Генриетта Мария покинула Париж. Точно так же, как Елизавету десятью годами ранее, её сопровождали за город, к воротам Сен-Дени, глава гильдии купцов и советники Парижа. Людовик XIII проводил сестру до Компьеня, где он вынужден был остановиться по состоянию здоровья. Поэтому в Амьене Маленькая мадам встретила только с матерью и Анной Австрийской. Именно в этом городе произошёл скандал, в который была вовлечена невестка Генриетты Марии. Во время тайного свидания в саду Бекингема едва не обесчестил королеву Франции, которая в последнюю минуту позвала на помощь своего шталмейстера.

Маленькая мадам была возмущена: её брачные торжества едва не были омрачены из-за легкомыслия испанки! 16 июня она со слезами на глазах простилась с матерью и холодно – с Анной Австрийской. Из Амьена в порт Булони её проводил только один член королевской семьи, её брат Гастон Орлеанский. Прощание проходило в Булони, откуда Генриетта Мария должна была отправиться в Дувр. Людовик XIII поручил герцогу де Шеврёзу сопровождать сестру в Англию. Вместе с ним, к удивлению юной королевы, напросилась ехать и беременная герцогиня де Шеврёз, хотя её муж был против. Со своей стороны, Карл I, отступив от обычая, приказал также сопровождать его жену Бекингема, Карлайлу и Холланду. 22 июня Генриетту Марию встретили в порту Булони двадцать кораблей, которые её супруг послал, чтобы доставить её в Англию, и «большое количество английских дам, (которые) прибыли с герцогиней Бекингема», чтобы поприветствовать её. Что утешало Маленькую мадам во время прощания с родиной, так это то, что Джермин ехал в её свите. О том же, какие чувства испытывал Генри, пишет Энтони Адольф: «Вряд ли он мог испытывать что-либо, кроме восторга, при мысли о том, что, когда он отправится в Англию, эта прекрасная принцесса поедет с ним. Его всегда готовили к придворной жизни, но до сих пор пребывание при дворе было его самоцелью. Теперь та же перспектива вызывала эмоциональный трепет, который казался почти непреодолимым».

Во время ожидания в Булони Бекингема, до этого целиком занятый Анной Австрийской, наконец, задумался, как ему завоевать благосклонность юной королевы Англии. С этой целью он представил Генриетте Марии свою мать, графиню Бекингема, которую королева приняла, по свидетельству очевидца, со «странной вежливостью и благосклонностью». На мой же взгляд, в этом не было ничего странного, так как пожилая леди была чуть ли не единственной католичкой среди присутствующих англичанок. Вслед за сестрой, Гастон оказал графине честь своим визитом, в то время как герцогиня де Шеврёз тоже оказывала ей всяческие почести, что пришлось по вкусу английским гостям.

Переводчиком матери герцога служил некий сэръ Тоби Мэтью, оставивший описание Генриетты Марии. В частности, его поразила смелость юной королевы, которая не побоялась в ветренную погоду отправиться на морскую прогулку со своим братом Гастоном в простой рыбацкой лодке.

«Клянусь верой, – писал достойный рыцарь, – она самая милая, живая натура, и у неё лицо, которое отражает её сердце, где мужчина может увидеть только благородство и доброту, и я осмеливаюсь рискнуть головой (учитывая те небольшие знания, которыми обладаю в физиогномике), что она будет необычайно любима нашей нацией...»

Увы, Мэтью сильно ошибался: как показало будущее, недостаточно быть милой и доброй, чтобы тебя любил народ.

Наконец, после трёх недель ожидания, когда настроение Генриетты Марии немного упало, наступило воскресенье, 22 июня, тихий и ясный день, и ей разрешили отплыть в Англию. После небольшой церемонии королеву проводил до причала брат, и она взшла на палубу корабля «Принц», который прислал за ней муж.

Глава 2

Козни Бекингема

Преодоление Ла-Манша заняло около семи часов и прошло благополучно под звуки нежной музыки и сладких голосов певцов. После того, как Генриетта Мария прибыла в Дувр, было замечено, что ветер стал дуть с прежней силой и море снова заволновалось. Было уже около пяти часов вечера, и поскольку королева, несмотря на полученное от путешествия удовольствие, призналась, что очень устала, было решено, что её встреча с мужем состоится на следующий день.

Продрогшим французам помогли подняться по крутому холму к Дуврскому замку со стенами толщиной в 21 фут, чёрными винтовыми лестницами и колодцем глубиной 293 фута. При виде отведённых Генриетте Марии апартаментов бывший посол граф де Тильер, ныне её новый камергер, нашёл английскую мебель прискорбно древней, а жилище довольно убогим. После чего презрительно добавил:

– Нас ввели в заблуждение относительно богатства и великолепия Англии.

После ужина королева сразу легла в постель.

Карл приехал на следующее утро в десять часов. Услышав, что его жена ещё завтракает, он сказал, что подождёт, пока она поест. Но королева тотчас поднялась из-за стола и поспешила вниз по лестнице, чтобы встретить мужа. И вот, долгожданный миг настал.

Внешность Карла произвела неоднозначное впечатление на Генриетту Марию: он был невысок (162 см), худощав и неказист. К тому же, выглядел старше своих двадцати четырёх лет. Маленькая треугольная бородка и пушистые усы короля казались светлее прямых рыжевато-каштановых волос, открывавших высокий лоб. Но самой выразительной частью его бледного лица были большие тёмно-голубые глаза с тяжёлыми веками и тёмными кругами, которые придавали ему зловещее выражение. Юная королева обратила внимание на то, что её супруг одевался по испанской моде: белый многослойный воротник с кружевом и коричневый дуплет. Сама же Генриетта Мария любила платья светлых тонов, справедливо считая, что они больше подходят к её чёрным волосам. Тем не менее, она была твёрдо намерена полюбить своего супруга и надеялась на взаимность. Однако жить с Карлом I было нелегко.

«Он был нравственным, добросовестным, – пишет Генриетта Хейнс, – во многих отношениях достойным восхищения; но его угнетало чувство собственной значимости, он был совершенно лишён чувства юмора и был убеждён, что всегда и во всех случаях прав. Он, в отличие от многих мужей королевской крови, не нарушил брачного обета, но относился к своей юной жене с резкостью, которая мало чем отличалась от недоброжелательности, и это при том, что она всегда стремилась выполнять свой долг, а он всегда искренне любил её».

В свой черёд, англичане описывали свою новую королеву как «красивое существо» с «большими чёрными глазами», «красивыми зубами» (!) и «большим ртом... красиво очерченным».

Карл приблизился к своей юной жене, которая хотела встать перед ним на колени, но он не допустил этого. Оба нервничали, и после неловкого объятия король отступил назад, а она начала говорить речь, предписанную этикетом:

– Сэр, я прибыла в страну вашего величества, чтобы быть в вашем распоряжении и подчиняться вам...

Однако от волнения она не могла продолжить и разрыдалась. Тогда король поцеловал её и сказал, что будет продолжать делать это до тех пор, пока она не успокоится. После чего мягко добавил:

– Ваше величество попали в руки не врагов и незнакомцев, как вы в страхе предположили, а в мудрое распоряжение Бога, который пожелал, чтобы вы оставили своих родственников и прилепились к своему супругу.

Заметив, что он при этом посмотрел на её ноги, желая узнать, не добавила ли она себе роста с помощью каблуков, Генриетта Мария, которая едва доходила Карлу до плеча, немного приподняла юбки:

– Сир, я стою на своих собственных ногах; искусство мне не помогает, это мой рост, ни выше, ни ниже.

Затем она представила ему свою свиту, и, поскольку ей хотелось есть, король велел сразу же принести холодную закуску и подавал ей из своих рук фазана и прочую мелкую дичь, хотя её духовник, отец Берюль, неподвижно стоящий рядом, предупредил её, что пора поститься, так как это был канун дня Святого Иоанна.

Французы были поражены скромным нарядом Карла I во время первой встречи с женой и его «торжественным выражением лица». Если бы им было известно о том, что король унаследовал от отца долги на четверть миллиона фунтов стерлингов, то приближённые Генриетты Марии, возможно, были бы более снисходительны.

«Двадцатипятилетний монарх-холостяк, – пишет о нём Карола Оман, – бережливый, застенчивый и целомудренный настолько, что краснел всякий раз, когда в его присутствии произносили нескромное слово, был скорее объектом насмешек, чем восхищения со стороны французских придворных».

В отличие от французов, Карл I был вполне доволен женой, о чём написал королеве-матери: «При моей первой встрече с ней в Дувре я не мог ожидать большего проявления любви и уважения, чем она выказала мне».

Первая просьба Генриетты Марии, когда она оказалась наедине с Карлом, была такова:

– Прошу ваше величество не сердиться на меня, если по молодости или незнанию обычаев вашей страны я допущу какие-нибудь ошибки.

Вечером того же дня возник первый повод для спора: дочь старой гувернантки Генриетты Марии, госпожа де Сен-Жорж, настаивала, чтобы сестра вместе с царственными супругами в одну карету, которая должна была доставить их в Кентербери, где архиепископ должен был благословить их брак согласно англиканскому ритуалу. Юная королева принялась тут же оживлённо объяснять Карлу, почему её дама претендует на это право. В свою очередь, послы пояснили королю, что, скорее всего, такие инструкции госпоже де Сен-Жорж дала Мария Медичи. С холодным видом Карл I уступил, в то время как Тильер опять с ехидством заметил:

– Скорее всего, его величество поступил так из-за заявления послов, чем красноречия жены.

Вероятно, с этого момента король почувствовал сильную неприязнь к любимой даме Генриетты Марии.

Наконец, они стронулись с места, лавируя среди ликующей толпы, но вскоре были остановлены деревенскими жителями, собравшимися на поле для игры в мяч, чтобы поприветствовать свою новую королеву. При этом один лондонец заметил, что английские крестьянки в своих простых нарядах затмевают элегантных француженок, кроме королевы и «герцогини де Шеврёз, которая, хотя и красива, но слишком сильно накрашена». Кстати, Шевретта позже хвасталась, что именно она научила Генриетту Марию краситься.

Прежде, чем войти в промозглый Большой зал аббатства Святого Августина в Кентербери, королева отыскивала глазами в толпе Джермина, который выделялся своим ростом и пышной рыжеватой шевелюрой. Однако вряд ли она смогла что-либо прочитать на его красивом лице с изящным носом, чистой кожей и тяжёлым, тщательно выбритым подбородком: за три года дипломатической деятельности Генри прекрасно научился владеть собой. Его могли выдать только блестящие тёмно-серые глаза.

Известно, что первая брачная ночь Генриетты Марии состоялась после банкета в ночь с 24 на 25 июня там же, в Кентербери. Королева первой покинула зал в сопровождении герцогини де Шеврёз. Можно представить себе, какие советы дала невинной девушке эта распутница!

– Оба супруга удалились в свои апартаменты, – свидетельствует очевидец, – и Карл не согласился подчиняться странным обычаям, которые в то время сопровождали королевские бракосочетания в Англии, таким, как разрезание свадебного торта, подношение напитка, смешанного с молоком и вином, снятие чулок и другие выходки этого рода, совершенно не отвечающие утончённым вкусам Карла I. Он поспешил закрыть дверь перед носом светской публики, которая хотела последовать за ним в комнату для новобрачных, и, отослав даже своих самых близких слуг, собственноручно запер семь дверей, убедившись, что они действительно закрыты, с помощью целой связки ключей.

На следующий день Карл сообщил близким друзьям, что он после своей первой брачной ночи «весел», а его жена «очень меланхолична».

«Можно с достаточной степенью уверенности предположить, что брак осуществился, мягко говоря, без особой страсти», – заметил писатель Мишель Дюшен.

Вскоре длинная процессия нарядно одетых дворян и слуг выехала из Северных ворот на дорогу, по обочинам которой росли дикие маки и шиповник. Чтобы сделать мужу приятное, королева надела зелёное платье, в тон его наряду. Карл же, как следует из мемуаров кардинала Ришельё, в этот раз решил ехать верхом, а жену «посадил в карету, полную английских дам, подальше от француженок, которых она привезла с собой. Поэтому она не могла без слёз думать о себе, юной принцессе, иностранке, оказавшейся (сегодня, в день её въезда в столицу) совершенно одной среди людей другого языка и вероисповедания, отделённую от тех, кому она доверяла. Несмотря на слёзы, ей не удалось добиться, чтобы хотя бы одной её фрейлине дали место в карете, так как королевские послы настояли на её отъезде».

К сожалению, это было не последнее трение, возникшее между супругами.

В Грейвсенде все погрузились на флотилию богато украшенных барж. Из-за эпидемии чумы, свирепствующей в столице, король принял решение, что Генриетта Мария прибудет в Лондон по воде. Королевскую баржу буксировало судно с двенадцатью сильными гребцами под громкие звуки труб. За баржами придворных и слуг следовали многочисленные лодки лондонцев, которые также собирались на берегу реки и кричали:

– Да здравствует король Карл! Да здравствует королева Мария!

(По предложению Бекингема король издал указ, согласно которому его жену следовало называть «королевой Марией», дабы её имя звучало по-английски. Правда, его подданные, вспоминая королеву-католичку Марию Тюдор (она же Мария Кровавая), считали, что это имя может принести несчастье Англии. У самой же Генриетты Марии оно вызывало неприятные ассоциации с казнённой Марией Стюарт, поэтому она продолжала подписывать письма своим полным именем).

В ответ королева улыбалась и махала рукой. Одно переполненное судно опрокинулось, но никто не утонул. Генриетту Марию встретили 1 500 пушечных выстрелов. Как только она приблизилась к Тауэру, пятьдесят кораблей тоже приветствовали её стрельбой. А потом с башни снова раздались пушечные выстрелы. При этом лондонцы самодовольно говорили друг другу:

– Клянусь честью, Маленькая мадам до этого никогда не слышала такого грохота!

Правда, рост и бледность их новой королевы разочаровали горожан, которые выразили надежду:

– Она достаточно молода, чтобы ещё подрасти.

Из уст в уста также передавалась история о том, что когда накануне Генриетту Марию спросили, сможет ли она выносить гугенотов, королева с апломбом ответила:

– Почему бы и нет? Разве мой отец не был одним из них?

В пять часов вечера 25 июня 1625 года, когда тёплый дождик начал барабанить по тентам барж, королева высадилась на ступенях Сомерсет-хауса или Датского дома, который супруг предоставил в её распоряжение. Этот дворец был построен лордом-протектором Сомерсетом, а после его казни конфискован Яковом I и переименован в честь покойной королевы Анны Датской. Можно предположить, что въезд Генриетты Марии в столицу был не таким грандиозным, как мог бы быть, поскольку пышные торжества готовились для коронации пары, которая должна была состояться несколькими месяцами позже.

По свидетельству современника, «принцесса приехала... со всем двором и обстановкой, вплоть от щипцов для завивки волос до ночных горшков», с «ошеломляющим количеством лошадей и экипажей». Короче говоря, копия описи её приданого насчитывала до тридцати томов.

Затем, отдав Сомерсет-хаус под временную резиденцию герцога и герцогини де Шеврёз, она отправилась в главный королевский дворец Уайтхолл. Во время осмотра своих покоев в восточной части дворца с потайной лестницей, ведущей к реке, часовней и Большим залом, Генриетта Мария с удивлением обнаружила там парадное ложе елизаветинской эпохи и воскликнула:

– Это самая старая кровать, которую я когда-либо видела!

Неудивительно, что юная королева была разочарована: ведь она привезла с собой роскошную спальную обстановку, в том числе, малиновые бархатные драпировки для кровати, помост (прикроватные ступени?), ковры, туалетный столик, стулья и табуреты. Однако беспорядочный комплекс Уайтхолла с огромными зданиями, мало изменившимися со времён короля Генриха VIII, не шёл ни в какое сравнение с дворцом Фонтенбло и даже с Сен-Жерменом.

Первое пребывание королевы в Лондоне было недолгим – «три недели суеты, споров и постоянных развлечений в накалённой атмосфере», как пишет в своей книге «Генриетта Мария» английская писательница Карола Оман. На следующий день брак был подтверждён в соответствии с условиями, согласованными в брачном контракте, после чего последовала англиканская служба, и королева должна была ждать за пределами церкви. За церемонией последовали празднования. Сначала в честь французов устроил банкет король, а затем – Бекингам, который настолько поразил всех, что Генриетта Мария и её свита предпочли бы, чтобы часть «расточительного изобилия» была перенесена на следующий раз.

Исследователь Элоди Конти в своём труде «Европейская принцесса от объекта дипломатического обмена до обладательницы власти» утверждает: «Из трёх принцесс, безусловно, в наиболее опасном положении оказалась Генриетта Мария».

Если Елизавета и Кристина и получали перед отъездом в чужую страну какие-то инструкции, то, вероятно, только в устном виде. Генриетте Марии же мать вручила длинное письмо, датированное 15 июня 1625 года и, на самом деле, написанное её духовником отцом Берюлем. В нём Мария Медичи давала своей дочери указания относительно её «поведения по отношению к Богу, королю, вашему мужу, его подданным, (её) слугам и самой себе». Основное внимание там, конечно, уделялось религии. Принцесса рассматривается как посланница Бога. Если она будет вести себя хорошо, то отправится «в рай с Богом», и, напротив, если она причинит Ему боль, то отправится «в ад со злыми духами». Следующая часть письма более конкретно касается обязанностей Генриетты Марии как католической принцессы в протестантской стране: «Помните, что вы дочь Церкви, и это первое и главное качество, которое у вас есть и которое у вас когда-либо будет».

Чтобы усилить свою мысль, автор ссылается на нескольких королевских и религиозных деятелей, которые должны служить образцами для подражания молодой принцессе. Он подчёркивает её происхождение, напоминая ей, что она «маленькая девочка из рода святого Людовика». Подобно своему предку, принцесса отправляется в крестовый поход, она должна быть

«твёрдой в религии», которую призвана защищать. Как и он, Генриетта Мария должна быть готова «(подвергнуть) свою жизнь опасности» и «умереть верной среди неверных». Вероятно, чтобы не слишком напугать свою духовную дочь, автор тут же напоминает, что свобода её совести была гарантирована Яковом I и Карлом I, но, несмотря на это, она должна защищать свою веру с «рвением» и «мужеством».

К этой миссии добавляется оказание помощи даже англичанам-протестантам: «... чтобы вы не забывали в своих милостях тех, кто исповедует другую религию, потому что достаточно того, что они находятся в бедственном положении, чтобы заставить вас спасти их. И поскольку Бог сделал вас их королевой, Он, следовательно, требует, чтобы вы помогли им, и вы должны это делать... возможно, ваша помощь заставит их обратиться к истинному Богу».

Далее перечисляются обязанности, которые принцесса должна выполнять перед своим новым супругом. Она должна демонстрировать не своё желание править, а желание любить и уважать своего мужа. Всё её поведение должно быть направлено на то, чтобы доставить ему удовольствие. Но, опять же, в инструкции подчёркивается, что, хотя Генриетта Мария обязана повиноваться своему мужу, это не относится к религии: «... в этом случае вы должны проявить с самого начала стойкость и твёрдость, и не бояться смело и откровенно сказать ему, что лучше бы вы умерли, чем позволили себе хоть что-то в мире, что противоречило вашей религии».

А чтобы она, не дай Бог, не отступилась от истинной веры, королева-мать (или отец Берюль) ещё раз пригрозила: «Мне страшно подумать, что я буду вынуждена наложить своё проклятие на человека, который мне так дорог, поскольку я могу считать вас своей дочерью только до тех пор, пока вы остаётесь дочерью Иисуса Христа».

Хотя ещё два года назад придворному архитектору Иниго Джонсу было поручено возвести в Сент-Джеймском соборе в Лондоне католическую капеллу для инфанты, предполагаемой невесты Карла, она до сих пор ещё не была готова. Только в своих собственных апартаментах Генриетта Мария могла слушать мессу. В ответ на настойчивые просьбы её многочисленных священников во главе с Даниелем дю Плесси, епископом Мандским, главным капелланом королевы, Карл I отвечал:

– Если комната у королевы, где, как говорят, сейчас устраивается месса, недостаточно велика, пусть все разместятся в Большом зале; и если Большой зал недостаточно широк, они могли бы использовать сад; и если сад не устроит их, то парк был бы самым подходящим местом.

Первую мессу в Англии королева прослушала в Уайтхолле, занимавшем территорию между Темзой и Сент-Джеймским парком.

– В прошлую пятницу, – сообщает возмущённый лондонец, – королева была на своём первом богослужении в Уайтхолле, на которое пригласили её величество в одиннадцать часов, в назначенное время она вышла из своей спальни в нижней юбке, с вуалью на голове, поддерживаемая графом де Тильером, её камергером, в сопровождении шести женщин. Пока они были на сборище, король распорядился, чтобы ни один англичанин, мужчина или женщина, не приближался к этому месту.

Ясно, что Генриетта Мария вызывала живейший интерес у окружающих, причём отзывы о ней были диаметрально противоположные. Богатый антиквар Саймонд д'Юэс был настолько поражён её милым и смиренным обращением со своими служанками, что не смог удержаться от глубокого вздоха:

– Я хотел бы узнать истинную религию...

А вот баронет Мордаунт рисует иную картину:

– Мы пришли в Уайтхолл, чтобы увидеть её, но она выгнала нас всех из зала, поскольку в помещении было слишком душно из-за открытого огня и большой компании...

Тем не менее, как утверждает писательница Ида Тейлор, «Лондон был готов оказать тёплый приём своей королеве».

28 июня Карл I открыл свой первый парламент, и Генриетта Мария сидела рядом с ним на троне. Однако из-за эпидемии дальнейшие заседания парламента решено было перенести в Оксфорд. Спустя три недели король тоже решил покинуть столицу, опасаясь вспышки чумы.

«Я... искренне удивляюсь, что кто-то, кого можно считать разумным, сейчас находится в Лондоне», – писал государственный секретарь.

Сначала королевская пара отправилась в Хэмптон-Корт, а затем в Виндзорский замок. Перед отъездом Генриетта Мария посетила герцогиню де Шеврёз, которая вскоре после рождения дочери шокировала лондонцев тем, что переплыла Темзу. Кроме того, Шевретта бросила своего любовника Холланда и сошлась с Бекингом, враждебно настроенным к молодой королеве.

Однако жизнь Генриетты Марии в 1625 – 1628 годы в Англии осложняли не только религия и наличие могущественного врага, но также высокомерие её собственных приближённых.

Её свита, состоящая из французов-католиков, составляла проблему для Карла I и его окружения. Судя, возможно, по прецеденту с королевой Анной Австрийской, кардинал Ришельё верил, что Генриетта Мария станет инструментом Франции, и, следовательно, его самого, в Англии. Он был полон решимости, чтобы рядом с ней были те, кому он мог доверять. Даже отец Берюль, который был слишком хорошим священнослужителем, чтобы не знать обязанностей супругов, в письме к личному другу резюмировал цели своей миссии в Англию как «приобщить дух королевы Англии к тому, что необходимо не только для её души, но и для этой страны», то есть Франции.

Помимо герцога де Шеврёза и его жены, Генриетту Марию сопровождали госпожа де Сен-Жорж, дама опочивальни, графини де Тильер и де Сипьер, её фрейлины, а также их мужья, соответственно камергер и главный оруженосец. В её свиту также вошли два посла, Антуан Коффье де Рузе, маркиз д'Эффиа, и Анри Огюст де Ломени, граф Бриенский.

С момента своего прибытия французы хулили всё английское, в то время как священники королевы вызывали у местных жителей подозрение, что их повелитель собирается перейти в католичество.

Весьма скоро Карл I начал жаловаться, что жена «к нему холодна» и велел Бекингу поговорить с ней.

«Думая, что столь юный дух, как дух королевы, можно смирить угрозами, он сказал ей, что король не потерпит более подобного поведения по отношению к нему, – свидетельствует в своих «Мемуарах» граф де Тильер, – если она не изменит своих привычек, для неё наступят горестные времена, ибо с ней будут обращаться не как с королевой, а так, как она заслуживает».

На что Генриетта Мария ответила:

– Я не верю, что дала королю повод рассердиться.

Без сомнения, молодая королева не раз задавалась вопросом: почему Бекингем, сын какого-то сельского сквайра, пользовался такой огромной властью при дворе Карла I?

Правда заключалась, по мнению писателя Энтони Адольфа, в том, что, «потрясённый смертью Якова I, Карл по-детски цеплялся за... фаворита своего покойного отца». Но Бекингем понимал, «что сохранить монополию на любовь Карла будет не так просто, как это было с явно бисексуальным Яковом». С появлением Генриетты Марии у герцога появился противник, которого, по сути, он сам посадил на трон рядом с Карлом. Не успела пара пожениться, как Джордж Вильерс сразу начал нашёптывать своему повелителю на ухо о недостатках его юной супруги, которая, следует признать, сама ничего не сделала для того, чтобы подданные её полюбили.

По словам камергера де Тильера, Бекингем вёл себя по отношению к Генриетте Марии с беспримерной дерзостью и даже осмелился критиковать её внешний вид:

– Королеве Англии следует одеваться скромнее и причёсываться, как наши дамы!

Дочь Марии Медичи действительно любила красивую одежду. Приданое, которое она привезла с собой в Англию, свидетельствовало о щедрости её брата и было настолько обильным и великолепным, что, вполне возможно, ей хватило бы его на всю жизнь, если бы... но об этом позже. Четыре дюжины вышитых ночных рубашек и дюжина ночных чепчиков в тон, четыре дюжины сорочек для особых случаев и пять дюжин носовых платков кажутся достаточным запасом белья даже для королевы, не говоря уже про пять нижних юбок. Дюжина пар английских шёлковых чулок, к которым добавилась изящная пара красных бархатных сапожек, подбитых мехом, были роскошью, о которой мало кто мог мечтать. Но больше всего Маленькой мадам повезло с платьями. У неё было их не менее тринадцати, и все они были великолепны: четыре из золотой и серебряной ткани на атласной основе, остальные же – чёрного, малинового, зелёного и голубого цветов. Одна парадная мантия была из красного бархата, покрытого лилиями, а другая, из того же материала и цвета, оторочена горностаем.

Подобные туалеты были бы неполными без великолепных драгоценностей, в которых мать Генриетты Марии знала толк. Нитки жемчуга, цепочки с драгоценными камнями, бриллиантовые серьги, великолепное кольцо с бриллиантом – всё это было подарено молодой королеве, помимо креста из бриллиантов и жемчуга, застёжки, усыпанной четырьмя бриллиантами, и «букета» из пяти лепестков, сделанного из бриллиантов, вместе с множеством мелких безделушек, включая несколько десятков бриллиантовых пуговиц для отделки платьев. Можно с уверенностью предположить, что Генриетта Мария также нашла широкое применение «большому зеркалу в серебряной оправе», которое она привезла с собой из Парижа, и неудивительно, что Бекингом счёл, что она чересчур любит одеваться.

Хотя писатель Мишель Дюшен считает, что в основе разногласий между царственными супругами «лежало отсутствие сексуальной гармонии».

– Герцог Бекингом и маркиз Гамильтон уверяют, – сказал однажды Карл I Генриетте Марии, – что будь вы их женой, они бы чаще пользовались правами мужа, нежели это делаю я... Учитывая, сколь малого я от вас требую, вы ведёте себя невыносимо.

Он жаловался, что королева недостаточно услужлива в постели. Генриетта Мария поговорила с госпожой де Сен-Жорж, и та посоветовала ей сделать над собой усилие. И когда на следующее утро король был весел и объяснил Стини причину своей радости, тот сказал, что недопустимо, чтобы королева подчинялась своей фрейлине больше, нежели супругу, и опасно оставлять подле неё подобных советников.

Согласно условиям брачного контракта, Генриетте Марии полагался собственный двор, достойный её положения. Воспользовавшись этим, в июле 1625 года Карл неожиданно предложил своей супруге взять в качестве дам опочивальни вместо госпожи де Сен-Жорж графиню Бекингомскую и герцогиню Бекингомскую (мать и жену Джорджа Вильерса) и маркизу Гамильтон. Молодой королеве это не понравилось, потому что она считала этих дам шпионками Бекингема, каковыми они и являлись на самом деле.

Генриетта Мария пожаловалась брату, и Людовик XIII поспешил утешить её: «Моя певучая сестра, хотя я нахожусь далеко от вас и вы ещё долго будете жить вдали от меня, две вещи могут вас вполне утешить там, где вы находитесь – это уверенность, которая вас, должно быть, поддерживает, что я всё так же люблю вас, несмотря на ваш отъезд, и что, если я даже не буду писать вам часто, то не перестану думать о вас и постараюсь предоставить вам доказательства своей привязанности».

После чего король Франции напомнил зятю, что его действия противоречат статьям брачного контракта Генриетты Марии, согласно которым её дамы должны быть француженками.

«Я сочту нужным, – закончил Людовик, – чтобы указанные герцогини и графини поступили на службу к королеве, моей сестре, при условии, что все остальные будут исключены из неё в будущем».

Таким образом, французский король согласился на это первое изменение в контракте при условии, что госпожа де Сен-Жорж сохранит своё место и не будет оштрафована за это.

Из Хэмптон-корт Карл повёз свою жену в Вудсток. В Оксфорде он распустил парламент. И ранней осенью, в соответствии с елизаветинской традицией, король и королева отправились в путешествие по королевству.

В сентябре 1625 года двор Генриетты Марии всё ещё не был сформирован из-за настойчивых требований окружения Карла I, и, особенно, герцога Бекингема, ввести туда англичан. Секретная статья насчёт английских католиков, утверждённая Яковом I, тоже до сих пор не действовала в Англии. Поэтому Людовик XIII принимает решение направить в Лондон своего посла Бленвиля, чтобы убедить Карла I выполнить свои обязательства. Однако английский двор очень плохо принял Бленвилля, и он ничего не добился. Ситуация, похоже, улучшилась с отъездом герцога Бекингема с посольством в Голландию. Но как только он вернулся, напряжённость в отношениях между царственными супругами возросла.

Прежде, чем вернуться в Хэмптон-корт, королева в ноябре посетила великолепный особняк лорда Саутгемптона, друга Бекингема, в Тичфилде. Оттуда она отправила родственникам в подарок несколько английских биглей (маленьких гончих). Тем временем поток сплетен, распускаемых врагами Генриетты Марии, постепенно возрастал, чему способствовало вызывающее поведение как самой королевы, так и её окружения.

Например, в Тичфилде за обеденным столом возникла перебранка между протестантским капелланом и отцом Берюлем из-за того, кто должен произнести молитву перед едой. На следующее утро королева и её дамы, пока в холле дома проводилась протестантская служба, дважды демонстративно прошли через толпу молящихся, при этом громко смеясь и разговаривая. Конечно, это можно считать ребячеством, но англичане расценили подобное поведение как скандальный вызов. Это вывело из себя короля, и он написал Бекингему, что надеется вскоре найти повод «обналичить моих месье», как он презрительно называл французских приближённых своей жены. В свою очередь, Генриетта Мария жаловалась впоследствии:

– Я жила как маленькая мадмуазель, без всяких прав.

Из Тичфилда Карл отправился на охоту в Нью-Форест, а королева провела три недели в Уилтоне. Вернувшись в Уайтхолл, она приступила вместе со своими дамами к репетиции французской пасторали, в которой играла главную роль. Декорации же и костюмы для этой постановки изготовил Иниго Джонс. В детстве Маленькая мадам привыкла принимать участие в балетных постановках, которые устраивались в просторных залах Люксембургского дворца, и привезла вкус к этим развлечениям с собой в Англию.

Как-то днём перед Рождеством Генриетта Мария тайком отправилась за покупками на Биржу и переходила от прилавка к прилавку, покупая каждую красивую безделушку, которая ей приглянулась. Когда же её узнали, она сбежала на лодке в Хэмптон-корт.

– Французская уловка! – решили лондонцы, помотрев вслед королеве, не пожелавшей с ними общаться.

В первое Рождество после замужества Генриетта Мария разыграла в Сомерсет-хаус пастораль перед своим мужем. Но король (с подачи Бекингема) посчитал, что принимать участие в подобных постановках – недостойно сана королевы. К этому времени Карл I и Бекингем уже успели избавиться от отца Берюля. Под предлогом ведения переговоров о коронации короля и королевы Англии духовник Генриетты Марии вернулся во Францию и, получив от папы сан кардинала, вскоре скончался «в святости».

В начале нового года королева отправилась в Тауэр, где в её честь был дан банкет и прогремел артиллерийский залп. Лондонцы же, наблюдавшие за возвращением процессии при свете факелов, с неудовольствием отметили, что карета Даниеля де Ламотт-Уданкура, епископа Мандского, ставшего теперь не только капелланом, но и духовником королевы, ехала впереди её экипажа. Однако после отъезда отца Берюля Генриетта Мария не забыла про свою миссию.

Когда в начале 1626 года на площади Тайберн в Лондоне состоялась казнь нескольких католиков, королева совершила паломничество к этому месту, чтобы помолиться за их души. Это вызвало возмущение в Англии и, впоследствии, оправдываясь, она говорила, что забрела туда случайно во время прогулки.

2 февраля, в день Сретения Господня, когда произошла коронация Карла I, Генриетта Мария, по совету своих родственников и при поддержке своего брата, решила сама не короноваться и не присутствовать на коронации своего мужа из-за связанных с этим англиканских обрядов. Впрочем, церемония была настолько скромной, что многие дворяне даже решили не брать на себя труд приехать из деревни, чтобы посмотреть на неё. Королева же со своими дамами, «резвящимися и танцующими», наблюдала из верхнего окна надвратной дворцовой башни за тем, как её муж проехал мимо в белом атласе вместо привычного королевского пурпура. (Интересно, что впоследствии из-за этого его называли Белым королём, обречённым на гибель, как следовало из старинного предания).

Сразу же после коронации, 6 февраля, состоялось открытие парламента. На этот раз была организована традиционная процессия депутатов от Уайтхолла до Вестминстера. И тут произошла новая стычка между царственными супругами. Генриетта Мария пожелала смотреть на процессию из окна дворца, сидя рядом с послом Бленвилем, со своим камергером Тильером и в окружении французских дам. Король же хотел, чтобы его супруга сидела рядом с матерью его фаворита и герцогиней Кейт на балконе дома, находившегося на противоположной стороне улицы. Разумеется, это был знак внимания к герцогу, но вместе с тем также способ продемонстрировать всем, что молодая королева благосклонна к английским дамам. Последовала бурная сцена, в которой Генриетта Мария повела себя как капризный ребёнок: она отказалась двинуться с места, потому что идёт дождь и он испортит её причёску. Когда об этом сообщили Карлу, он сказал, что дождь уже закончился, и послал к супруге Бекингема с приказом выполнить его желание. Опять отказ. Дело принимало серьёзный оборот. Тогда вмешался французский посол Бленвиль, оказавшийся лучшим дипломатом, чем его считал Бекингем, и королева наконец согласилась перейти на другую сторону улицы.

«Однако Бекингем не мог допустить, чтобы пропала столь прекрасная возможность внести сумятицу, – пишет Тильер, – и воспользовался случаем, чтобы настроить короля против «наглых французов»».

На следующий день Бленвилю было запрещено появляться при дворе и видаться с Генриеттой Марией.

В народе отсутствие её коронации было встречено отрицательно, что, вкупе с другими факторами, не способствовало популярности королевы и привело к смене профранцузской политики на политику поддержки гугенотов. Воспользовавшись этим, герцог Бекингем постарался ещё больше усилить напряжённость в отношениях между Карлом и его женой.

Лишь один раз интересы королевы и фаворита её мужа совпали. Генриетта Мария позже вспоминала, что «в начале своего замужества она испытывала некоторую неприязнь к королю, своему мужу, которую разжигал Бекингем», и поэтому из чувства досады хотела вернуться во Францию повидать свою мать. А поскольку она знала о страстном желании герцога снова увидеть Анну Австрийскую, то попросила его получить разрешение на её отъезд у короля. Бекингем, решивший сопровождать королеву, рьяно взялся за дело, но Людовик XIII и Ришельё дружно воспротивились его приезду в Париж. Из-за чего отношения Франции и Англии резко ухудшились.

Весьма характерный эпизод был описан самим Карлом I в письме к английскому послу в Париже с просьбой объяснить Людовику XIII причины его недовольства королевой: «Однажды вечером мы были в постели, и она подала мне список людей из своей свиты, для которых хотела испросить награды. Я сказал, что прочту его утром, но в любом случае всё решу сам. Она сказала, что внесла в список как французов, так и англичан, на что я ответил, что для

французов сделать что-либо невозможно. Тогда она возразила, сказав, что список одобрен её матерью и она не собирается ничего в нём менять. Я напомнил, что ни её матери, ни ей не подобает брать в свои руки подобную инициативу и что, если она настаивает, я вообще не стану рассматривать этот список. На это она дерзко ответила, что я-де могу оставить себе свои награды и она не примет от меня ни земель, ни домов. Я попросил её не забывать, с кем она разговаривает, и помнить, что она не имеет права говорить со мной таким тоном. Тогда она произнесла страстную речь, говоря, что она самая несчастная из женщин и что, если она что-нибудь просит, я всегда ей отказываю, а она не столь низкого происхождения, чтобы так с ней обрашались. Я велел ей замолчать и таким образом положил конец спору».

Если Бекингом подначивал Карла, то приближённые Генриетты Марии, в свою очередь, несут часть ответственности за её непопулярность у подданных. Так, «Мэми» Сен-Жорж продолжала при каждом удобном случае садиться в королевскую карету и отодвигать на задний план английских дам. Но особенно короля бесил епископ Мандский, которому ещё не исполнилось и тридцати. Будучи родственником Ришельё, сей прелат, во-первых, обладал слишком острым языком, а во-вторых, предлагал короновать Генриетту Марию по католическому обряду, что вызвало возмущение англичан. И, наконец, в-третьих, поссорился с графом Холландом из-за управления приданным королевы. Даже спустя годы, уже после смерти епископа, Карл I с содроганием вспоминал его привычку врывать в личные апартаменты королевы, когда ему заблагорассудится.

По словам Ришельё, постепенно Генриетта Мария, привыкнув к мужу, начала соглашаться «со всеми желаниями короля». «Ей хотят дать дам опочивальни, – читаем мы в мемуарах кардинала, – она решается на это, но желает, чтобы в их число вошла герцогиня Бекингемская, которая была очень честной дамой и католичкой в душе».

Карл хотел также ввести в свиту жены графиню Карлайл, бывшую любовницу Бекингема. Зная об этом, королева умоляла супруга не делать этого:

– Извините меня, но я испытываю неприязнь к этой даме.

На что король, подстрекаемый фаворитом, упрямо отвечал:

– Ваше величество не должна испытывать к ней неприязни, иначе вы не получите герцогиню Бекингемскую, о которой просите.

Когда же Генриетта Мария снова ударилась в слёзы, ей было предписано вести себя более сдержанно, согласно своему рангу. Покорность королевы вскоре принесла свои плоды.

«Прежде всего, я выражаю благодарность королеве Англии (ибо никто другой не может этого сделать), – писал Карл I жене в письме от 23 июля 1626 года, почему-то обращаясь к ней в третьем лице, – именно её любовь поддерживает мою жизнь, её доброта поддерживает моё мужество, что делает меня вечным её (служгой?)».

Кризис наступил 9 августа 1626 года, когда Карл I, которого подстрекал Бекингом, принял решение отправить всех французов, сопровождавших Генриетту Марию, обратно. Ришельё так описывает этот эпизод в своих мемуарах: «Решив это, король, не выдержав, после ужина пришёл к королеве, своей жене, запер за собой двери и объявил ей об изгнании её слуг. Она была так удивлена, что осела на пол и долго молчала. Придя в себя, она разразилась криками, способными расколоть скалы. Она бросилась на землю, поцеловала его колени, затем – ноги, попросила у него прощения за своих (приближённых), если они его обидели, напомнила ему про обещания, данные в его брачном контракте, и про то, что Бог наказывает за нарушение клятв; но всё напрасно. Всем, кто находился при её дворе, было приказано удалиться в резиденцию Сомерсет в тот же час. Слышны были только крики и жалобы, в основном, со стороны фрейлин королевы, которые, несмотря на то, что им мешал, направились в небольшой двор, куда выходила спальня королевы, их госпожи, чтобы попрощаться с ней. Услышав их голоса, эта бедная принцесса бросилась к окну, и, разбив стёкла в переплёте, взялась руками за решётки, чтобы показать себя им и увидеть их в последний раз. Возмущённый король отта-

щил её (от окна) с таким усилием, что она ободрала все руки. Когда же епископу Мендесу было приказано удалиться вместе с приближёнными королевы, он ответил, что прибыл сюда по приказу короля, своего господина, и может уйти с остальными только по тому же приказу; тем не менее, им пришлось уступить силе и удалиться в Соммерсет».

Тогда Генриетта Мария в присутствии англичанок заявила:

– Я не буду есть и не лягу спать, пока мне не вернут моих дам!

Её упорство привело к тому, что послали за её кормилицей и «мадам Вантелет, которая её одевала». В конце концов, королеве было также разрешено оставить при себе двух священников, одного англичанина, другого шотландца, трёх служанок, которые могли говорить на её родном языке, и герцогиню де Туар, которая была гугеноткой. Однако месяц спустя, несмотря на то, что французам было выплачено их жалованье в размере 11 000 фунтов стерлингов и вручены подарки на сумму 20 000 фунтов стерлингов, они ещё находились в Англии, находя один предлог за другим, чтобы остаться. Разгневанный Карл приказал Бекингеми «выгнать их, как стадо диких зверей», если они не захотят добровольно уехать. Отъезд приближённых Генриетты Марии не обошёлся без кровопролития: когда один человек из собравшейся толпы горожан бросил камень и сбил чепец «Мэми» Сен-Жорж, молодой английский кавалер, который вёл даму к барже, выхватил шпагу и пронзил хулигана насквозь. Современник утверждает, что вместе со слугами королевы ушло всё знаменитое приданое. Её гардероб сократился до двух халатов и одного платья. Лишь ещё одно её старое атласное платье было возвращено по требованию лордов Совета. Причём «Мэми» Сен-Жорж в бурном письме объяснила Карлу, что платья Генриетты Мария сама подарила своим друзьям, но, поскольку ключи от гардероба королевы, где хранились также столовое серебро и драгоценности, были изъяты, а сундуки изгнанной свиты – вскрыты в Дувре, то англичане могут утверждать что угодно. Другие слуги впоследствии заявили, что Генриетта Мария задолжала им за товары, купленные ими по её приказу, хотя сама королева отрицала это. Впрочем, неудивительно, что она занимала у слуг: муж попросту не давал ей денег.

Поэтому выдворение французских придворных было связано ещё с огромными тратами королевы, которые таким образом Карл I взял под свой контроль. Генриетта Мария тратила огромные суммы с бешеной скоростью, в результате чего она оказалась в долгах, которые её супруг выплачивал следующие несколько лет. Даже после реформы двора королевы расходы продолжали оставаться на высоком уровне, несмотря на многочисленные подарки короля. Она тайно брала деньги в 1627 году, а её счета свидетельствуют о приобретении дорогих платьев и в последующие годы. Но ведь после того, как слуги ограбили её, не ходить же ей голой!

Хотя настроение Генриетты Марии после выдворения её слуг в Лондоне описывали как «очень весёлое», она решила сообщить обо всём Людовику XIII, Марии Медичи и Ришельё и попросить помощи. Королева пожаловалась брату, что ей пришлось спрятаться, чтобы написать ему: «Как узник, который не может ни с кем разговаривать, ни описывать свои несчастья, ни призывать Бога к сочувствию бедной, замученной принцессе, чтобы Он сделал что-то, чтобы облегчить её страдания». С горечью она объявляет: «Я самый страдающий человек на земле». И умоляет короля поговорить с их матерью «и открыть ей мои беды». Иначе её сердце разобьётся: «Есть ли лекарство от моих страданий, которые меня убивают? Прощай, горечь. Прощайте все те, от деяний которых я умру, если Бог не пожалеет меня».

Когда у английского посла в Париже спросили о возможных последствиях увольнения свиты Генриетты Марии, он ответил:

– По моему мнению, Франция в данный момент слишком занята другими делами, чтобы решиться на жёсткие меры.

Посол оказался прав.

Тем не менее, Мария Медичи ответила дочери: «Я посылаю к вам господина де ла Барре специально с этим письмом, чтобы засвидетельствовать вам, что после гибели покой-

ного короля, вашего отца, я не знала более тяжкого горя... Я прошу вас набраться смелости и надеяться на Бога, который не оставит вас, так как я уверена, что вы будете поступать согласно своей религии. Поверьте, дочь моя, что я сделаю всё возможное, чтобы помочь вам».

Кроме того, флорентийка написала письмо своему зятю, чтобы напомнить ему о его клятвах, а Людовик послал маршала Франсуа де Бассомпьера, шурина графа де Тильера, который прибыл в Лондон 7 октября 1626 года. Однако посла очень плохо приняли и делали всё возможное, чтобы отсрочить его аудиенцию с королём. Наконец, 15 октября Карл I согласился дать ему публичную аудиенцию при условии, что Бассомпьер ни слова не промолвит о том деле, по поводу которого приехал.

– Король, – объяснил ему вездесущий Бекингом, – не смог бы сдержаться, если бы эта тема была затронута публично, а королева могла бы совершить какой-нибудь экстравагантный поступок и расплакаться на глазах у всех.

Но посол настаивал на том, что он обязан передать послание своего государя. Наконец, договорились, что, в случае чего, Карл прервёт его, пообещав после поговорить с глазу на глаз. Вместе с герцогом Бассомпьер отправился в Хэмптон-Корт, где нашёл короля и королеву торжественно восседающими на возвышении.

«Компания была великолепной, а приём – изысканным», – докладывал посол.

Аудиенция прошла как по маслу. Если не считать того, что когда Генриетта Мария произнесла несколько слов официального приветствия своему соотечественнику, на её глаза навернулись слёзы. После чего всё закончилось, и королева удалилась, опираясь на герцогиню де Туар.

Следующая встреча, кажется, прошла лучше, и Бассомпьер заметил некоторое ослабление напряжённости в отношениях между Карлом, Бекингом и Генриеттой Марией, о чём он и сообщил Ришельё: «В субботу, 24-го, я был у королевы, и к ней пришёл король, с которым она была в ссоре. Король увёл меня в свою комнату и долго беседовал со мной, заставив меня выслушать много жалоб на королеву, его жену. В воскресенье, 25-го числа, ко мне приехали графы Пемброк и Монтгомери. Затем мне удалось найти герцога (Бекингема), которого я уважаю не меньше, чем дорогую королеву, и он заключил с ней мир... Вскоре туда прибыл король и тоже с ней помирился».

Таким образом, Бассомпьер провёл в Англии около двух месяцев. Стараясь продемонстрировать свою беспристрастность, он не раз обвинял Генриетту Марию в том, что она сама «затевала ссору». После нескольких дней мучений, когда маршал уже начал поздравлять себя с примирением королевской пары, королева спровоцировала ещё один скандал, и миротворец ушёл от неё раздражённым, заявив, что он немедленно вернётся во Францию и доложит её брату и матери, что именно она, а не её муж, виновата в их затяжных конфликтах. Генриетта Мария послала за ним, но посол дулся два дня, а потом они оказались за одним столом в доме герцога Бекингема.

Йорк-Хаус, как и Уайтхолл, был когда-то архиепископским дворцом, но герцог сравнял его с землёй и воздвиг на его месте новый особняк, который, по словам Бассомпьера, был «чрезвычайно красивым» и «самым богато обставленным» из всех, какие он когда-либо видел. Ноябрьским вечером он при свете факелов пришёл туда, чтобы поужинать вместе с Бекингом, Карлом I и Генриеттой Марией. Развлечения, устроенные королевским фаворитом для гостей, обошлись ему примерно в пять-шесть тысяч фунтов стерлингов. Причём каждое блюдо сопровождалось балетом.

Как-то раз королева повезла Бассомпьера смотреть на процессию с участием лорд-мэра. В ожидании, пока её участники проедут по «корабельной» стороне, Генриетта Мария заставила посла сыграть с ней в карете в карты.

Вдоволь наглотавшись лондонского тумана, маршал, по его собственному выражению, уже был «не в том состоянии, чтобы вести дискуссии», когда однажды в семь утра прибыл

граф Дорсет от Совета лордов с «Меморандумом», содержащим жалобы на прислугу королевы. В большей степени они касались епископа Мендеса и его священников, которые обвинялись в интригах против англичан и в превращении двора Генриетты Марии в место встречи для иезуитов. Кроме того, капеллан королевы, если верить этому документу, принуждал свою госпожу в качестве епитимьи совершать «низкие и раболепные действия», не только унижающие королевское достоинство, но и опасные для её здоровья. Генриетта Мария обязана была ходить босиком, пряхть, есть мясо на деревянном блюде и прислуживать за столом своим собственным слугам. А одним «отвратительным утром» она была приговорена «вывалиться в грязи», идя пешком от Датского дома до Сент-Джеймского собора, в то время как «её люциферианский исповедник» проезжал мимо в своей карете. Лорды также обвиняли её приближённых в том, что они «осуждали то, что происходило наедине» между Карлом и Генриеттой Марией и «старались зародить в нежном уме королевы отвращение ко всему, что желал или приказывал его величество». Даже неумение Генриетты Марии говорить по-английски было отнесено на счёт её французских придворных, которые «старались всеми средствами внушить ей презрение к нашей нации и неприязнь к нашим обычаям... как будто у неё не было и не могло быть с нами общих интересов». И так далее.

Прежде чем ответить хотя бы на один пункт обвинения, Бассомпьеру пришлось обратиться за разъяснениями к самой королеве. В итоге ему удалось успокоить лордов и получить от короля Англии акт о предоставлении Генриетте Марии двенадцати священников и епископа, а также нескольких французских офицеров и двух фрейлин. Всего же ей удалось оставить при себе семерых приближённых-французов, включая нового исповедника Роберта Филиппа. Французский маршал также освободил семьдесят католических священников из английских тюрем.

На первый взгляд миссия Бассомпьера казалась успешной, однако Ришельё дал ей довольно негативную оценку: «Уже на следующий день после того, как он покинул Лондон, англичане отдали секретное распоряжение задерживать все корабли и товары французов, и всем торговцам было предписано не платить им ничего...»

Выходит, маршал ничего не добился, кроме обещания Карла I назначить жене шестьдесят французских слуг, но, по словам Ришельё, «опять это обещание было дано ему таким образом, что он мог бы понять, что они не намерены были выполнять то, что обещали».

По приглашению Генриетты Марии вместе со свитой Бассомпьера в Англию приехал итальянский живописец Орацио Джентилески, который до того работал в Париже. Став придворным художником Карла I, он занимал эту должность до самой смерти. Его монументальные полотна и росписи украсили Гринвичский дворец. Возможно, Джентилески помог королеве вместе с Иниго Джонсом подготовить и новое представление на Двенадцатую ночь. Так как королю не понравился французский балет, Генриетте Марии пришлось разыграть одну из популярных в Англии пьес-масок, в которых любила принимать участие покойная королева Анна Датская. Эти театральные представления со сложными архитектурными декорациями включали в себя пролог в стихах и шествие танцующих и поющих актёров в масках, причём теми, кто не говорил и не пел, часто были придворные. Хотя молодой королеве подобные пьесы казались архаичными, любовь к искусству победила. Её «маска» разбила все рекорды, так как длилась с трёх часов дня до четырёх часов утра, а на костюмы и декорации пошла тысяча ярдов тафты и атласа.

Поскольку французские приближённые Генриетты Марии были изгнаны, в этом представлении играли уже её английские друзья. Её же собственная труппа актёров всегда была наготове и играла для её развлечения то в Хэмптон-Корт, то в Сомерсет-Хаус. Благодаря влиянию и покровительству королевы количество театров в столице увеличилось до такой степени, что в городе проснулись пуританские настроения, которые привели к изданию приказа городского совета «Об ограничении чрезмерного использования театра и актёров». Зрителям

предстояло довольствоваться двумя театрами, один из которых должен был находиться в Миддлсексе, а другой – за рекой, в Суррее, при этом ни одна пьеса не должна была ставиться в воскресенье, в Великий пост или во время эпидемии.

Глава 3

Близкий друг королевы

С самого начала своего правления Карл I был полон решимости реформировать довольно распушенный, неорганизованный двор, который унаследовал от отца. Строгие правила, основанные на некоторых прецедентах елизаветинской эпохи и мадридского этикета, должны были регулировать каждый аспект придворной жизни, вплоть до того, что носили люди и как они себя вели. Доступ к королю и королеве был ограничен тщательно соблюдаемым протоколом. Тем избранным, которым разрешалось входить в личные покои царственной четы, было запрещено бездельничать, играть в карты и даже в шахматы. Доступ в королевскую опочивальню был ещё более ограничен: там могли находиться только принцы, некоторые придворные и слуги, в том числе парикмахеры и врачи. Такая изоляция от внешнего мира способствовала сближению между супругами и их окружением.

«Несравненные добродетели короля, – писал Холланд в то время, – воздействуют на щедрость и доброту королевы, так что у его величества вскоре должна быть лучшая жена в мире».

Самой яркой личностью в ближнем круге королевы среди профранцузски настроенных придворных-англичан была Люси Перси, графиня Карлайл, которую назначили одной из дам опочивальни королевы. Если вначале Генриетта Мария была настроена категорически против неё, то после отъезда герцогини де Туар Люси стала наперсницей королевы. Скорее всего, они сошлись на почве ненависти к Бекингеми, который хотел подложить свою бывшую любовницу в постель к королю. Хотя Люси была убеждённой протестанткой, это не помешало ей стать шпионкой Ришельё и прототипом персонажа «Миледи» в романе «Три мушкетёра». Интересно, что набожную королеву не смутило даже то, что её новая подруга баловалась магией, о чём свидетельствовал чёрный шнурок на её запястье, который обычно носили адепты мистических обществ. Говорили, что магия помогала графине в любви и политике. Когда «Люсинда» подхватила оспу, придворные, забыв другие темы, судачили только о том, не пострадает ли её легендарная красота. А вот Генриетта Мария, не побоявшись заразиться, поспешила навестить свою подругу.

Кроме матери, жены и бывшей любовницы, Бекингеми решил также пристроить в свиту королевы свою сестру-протестантку Сьюзен Вильерс, которая вышла замуж за захудалого сельского джентльмена Уильяма Филдинга. Но, благодаря брату, она вскоре стала графиней Денби и в один год с Люси Перси была назначена первой леди опочивальни королевы. Вскоре Сьюзен стала подругой Генриетты Марии. До конца своей жизни она была преданна своей госпоже и позже даже приняла под её влиянием католичество. В свой черёд, её старшая дочь Маргарет Филдинг, герцогиня Гамильтон, получила должность камеристки королевы.

Благодаря герцогине Бекингемской Генриетта Мария в 1626 году обрела ещё одного друга. Герцог принимал короля и королеву в своём особняке в Лондоне. В разгар роскошного банкета из большого пирога внезапно вылез семилетний карлик ростом не более 18 дюймов (46 см) в миниатюрных доспехах и, размахивая королевским флагом, стал маршировать по столу к изумлению придворных. Как оказалось, его звали Джефффри Хадсон и он родился в семье смотрителя травли быков у Джорджа Вильерса. Юная королева была в восторге, и хозяйка любезно подарила ей карлика, которого выкупила у его родителей. Таким образом, Хадсон переехал в Сомерсет-хаус, где королева собрала множество природных диковинок и небольшой зверинец, в котором была обезьянка по имени Мопс. Несмотря на свою миниатюрность, Джефффри, в отличие от других двух карликов Генриетты Марии, отличался пропорциональным сложением (возможно, он был лилипутом) и считался «чудом века». Получив воспита-

ние в католическом духе при дворе королевы, он также усвоил придворные манеры: научился ездить верхом, фехтовать и стрелять из пистолета. Для молодой королевы, чувствовавшей себя одиноко в протестантской Англии, весёлый и остроумный карлик, принимавший участие в придворных забавах, стал настоящим спасением. Его коронным номером было представление, которое он разыгрывал со своим приятелем Уильямом Эвансом ростом 7 футов 5 дюймов (226 см): великану сшили одежду с огромными карманами, и он на глазах гостей доставал из одного булку хлеба, из другого – Хадсона и делал вид, что собирается приготовить из него бутерброд. Генриетта Мария делилась с Джеффри самым сокровенным и спрашивала его мнение, а тот, в свою очередь, свято хранил её тайны и всегда мог дать дельный совет, за что придворные прозвали его «лорд Минимус».

Среди же высокопоставленных вельмож самыми лояльными к Генриетте Марии считались граф Холланд и лорд Монтегю. Однако самым близким другом королевы стал Генри Джермин, что вызывало удивление у придворных: ведь тот не мог похвастать ни ослепительной красотой, как Холланд, ни остроумием, как Монтегю. По словам одного из его многочисленных недругов, поэта Эндрю Марвелла, Генри Джермин был человеком с «плечами ломового извозчика» и «внешностью мясника».

Однако известно, что он обладал личным обаянием, и это делало его подходящим посредником в деликатных переговорах. В отличие от Марвелла, поэт Абрахам Коули в своей поэме «Гражданская война» дал следующее его описание:

Джермин, в ком соединилось
Всё, чего могла пожелать добрая мать,
В ком ум, рассудительность, отвага и доброта
Сочетаются с красивым телом, сияющей
Душой, состоящей из орла и голубя, которым
Все должны восхищаться и любить его.

В то же время Генриетта Мария никогда не умела разбираться в людях, и для неё мягкие манеры Джермина перевешивали все недостатки, в которых его упрекали недоброжелатели, как-то: не слишком высокое происхождение, равнодушие к религии и гибкая мораль. Однако, несмотря на это, в его характере всегда доминировала беззаветная преданность королеве, с которой его связывала необыкновенная история любви.

Когда Холланд после возвращения в Англию рассорился с Бекингом, отбившим у него любовницу, и покинул двор, Генри Джермин, который входил в его свиту, остался не у дел. Не имея никакой официальной должности при дворе, он, как его отец и брат, решил стать депутатом парламента. В 1625 году младший Джермин был избран от Бодмина, а затем снова переизбран в следующем году. Однако не внёс никакого вклада в парламентские слушания, так как голова его была забита другим.

Вероятно, когда Коули писал, что душа его друга состояла «из орла и голубя», он имел в виду белых птиц Афродиты, богини любви. Тем не менее Джермин мог видеть Генриетту Марию лишь во время придворных празднеств. Его отец и брат поддерживали Бекингема и в 1626 году выступили в парламенте против отставки королевского фаворита, которой требовали многие депутаты. Однако сам Генри, зная по слухам о его кознях против королевы, изменил своё отношение к герцогу. Впрочем, у него были и другие причины не любить фаворита короля. Он видел, как Бекингем несправедливо обошёлся с его первым патроном, послом Бристолем. Кроме того, герцог обвинил во взяточничестве и лишил должности лорда-хранителя Большой печати Фрэнсиса Бэкона, родственника Джермина. Но что мог поделаться Генри? Ему оставалось лишь мечтать о том, что он добьётся любви королевы и станет таким же могущественным, как Бекингем.

Ходили слухи, что Томас Джермин в благодарность за защиту королевского фаворита в парламенте будет возведён в звание пэра, но такого повышения так и не произошло. Зато в 1626 году его старший сын, тоже Томас, был назначен конюшим короля, а младший, Генри, в следующем году стал камергером Генриетты Марии. Возможно, Бекингом рассчитывал получить в лице Джермина-младшего ещё одного шпиона в окружении королевы, но тут он жестоко ошибся. Существуют свидетельства, которые, как будто, указывают на то, что между королевой, обиженной пренебрежением мужа, и Генри установились довольно близкие отношения. Одну из таких историй рассказал Томас Киллигрю, двоюродный брат Джермина, служивший пажом у Карла I.

По вечерам, когда король решал провести ночь со своей женой, будь то в Уайтхолле или Сент-Джеймском дворце, он пробирался по тёмным коридорам, соединявшим их покои, в сопровождении пажа, который нёс перед ним свечу. Однажды, тихо ступая по усланному тростником полу, Томас первым вошёл в спальню королевы и испытал ужасное потрясение: Генриетта Мария сидела на своей кровати, причём её хрупкое тело было почти полностью скрыто массивной фигурой Джермина. К счастью, Киллигрю, позже ставший успешным драматургом, действовал быстро и изобретательно. Он уронил свечу, а затем встал на четвереньки в дверном проёме и стал шарить по полу, громко извиняясь перед королём, который продолжал стоять в коридоре. К тому времени, когда Томас встал и отошёл в сторону, Джермин уже исчез.

Есть ещё несколько подобных историй. Согласно одной из них, маркиз Гамильтон, зайдя в покои в Сомерсет-хаус, застал там Генриетту Марию, обнимающуюся со своим камергером. Другая история гласит, будто Карл I подозревал, что его жена близка с Джермином, но никак не мог подтвердить своих подозрений. Тогда некий граф, надеясь заслужить благосклонность короля, предложил незаметно провести его в покои королевы, чтобы застать любовников врасплох. Прокравшись по коридору, они ворвались внутрь. Джермин и Генриетта Мария действительно находились одни в комнате, но они не занимались ничем предосудительным, только разговаривали. Тем более, что, благодаря своей должности, Джермин имел на это право. Карл I удалился с красным лицом. Однако, несмотря на все эти свидетельства, точно неизвестно, были ли у Генри и Генриетты Марии сексуальные отношения. Не подлежит сомнению только одно – Джермин был самым лучшим другом королевы до конца её жизни.

Хотя с 1625 года англичане вели военные действия против Испании, Бекингом, вдобавок, спустя два года втянул свою страну в войну с Францией, уговорив Карла I помочь гугенотам Ла-Рошели вернуть остров Ре, захваченный армией герцога де Гиза. 27 июня 1627 года герцог покинул Портсмут во главе флота из 80 кораблей. Перед самым его отплытием Карл I передумал (то ли испугался, то ли не захотел огорчать жену) и приказал ему сражаться за Людовика XIII. Но капитаны и экипажи не захотели подчиняться этому приказу.

После отплытия Бекингема под Ла-Рошель толпы лондонцев на улицах шумно высказывали свою ненависть к французским католикам, а при дворе поднимали тосты за свержение короля-паписта Людовика XIII. Поэтому Генриетта Мария решила удалиться в тихий курортный городок Веллингборо в графстве Нортгемптоншир под благовидным предлогом, что ей нужно попить воды из местных минеральных источников для поддержки своего здоровья. Вместе с ней уехали её приближённые и, конечно, Джермин, который теперь каждый день видел королеву в её личных покоях.

Испугавшись, что эта война окончательно испортит её отношения с мужем, Генриетта Мария написала своей матери, чтобы поделиться с ней своими опасениями. Поскольку Людовик XIII до того был болен, она выразила радость по поводу его выздоровления и, не колеблясь, добавила, что Карл I тоже встретил его исцеление с «радостью», несмотря на военные действия между двумя королевствами. Юная королева использовала ту же стратегию, что и её старшая сестра Елизавета, королева Испании: апеллирует к чувствам своей собеседницы и напоминая

о семейных связях, существующих между различными участниками военного конфликта, она побуждает Марию Медичи вмешаться как мать в ссору между её сыном и зятем.

В июле 1627 года Генриетта Мария отправила Джермина с этим письмом во Францию. Официально же он должен был передать её соболезнования членам королевской семьи в связи со смертью герцогини Орлеанской, жены Гастона. Однако, возможно, дело было не только в этом. Из отчётов венецианского посла в Париже известно, что, передав послания Людовику XIII, Генри отправился затем к кардиналу Ришельё, который «принял его с радостью». Первый министр короля, возможно, думал, что Джермин прибыл с предложениями мира от Карла I. Если это так, то он ошибся. Возможно, Генри предложил ему какой-то план по свержению Бекингема, придуманный вместе с Генриеттой Марией, и хотел заручиться поддержкой Ришельё. Также известно, что вскоре во Франции был арестован Уолтер Монтегю, агент герцога. Кардинал рассчитывал припугнуть Карла I тем, что Франция заключит союз с голландцами и испанцами против Англии, если супруг Генриетты Марии не отстранит от власти своего фаворита. В противном случае Ришельё отправил бы огромный флот к английским берегам не для вторжения, а просто, «чтобы поставить на уши партию Бекингема».

Герцога не было пять месяцев, и за это время Карл I сблизился с женой, которой в глубине души всегда восхищался.

«После того, как кризис миновал, уже в 1627-1628 годах Генриетта и Карл постарались узнать друг друга и стать дружной и влюблённой парой, – утверждает писатель Элоди Конти. – Эти отношения особенно заметны в очень плодотворной переписке, которой оба супруга обменивались в течение двадцати трёх лет своего брака. Генриетта Мария адресует свои письма «дорогому сердцу», а Карл отвечает подписью «вечно твой»».

Однако у него не хватило ума скрыть это от своего фаворита, и король радостно писал ему об улучшении своих отношений с женой. Об этом же свидетельствует в своём письме к матери придворная дама Шарлотта де Ла Треймуль, супруга Джеймса Стэнли, будущего Великого графа Дерби: «Что касается королевы, она ни во что не вмешивается и думает только о том, как убить время. Король и она живут очень счастливо вместе».

Возможно, тут также сыграл свою роль совет, вернее, даже приказ Марии Медичи младшей дочери во всём повиноваться своему мужу, «исключая вопросы религии». Королеву-мать сподвигло на это отчаяние: никто из её детей, кроме Гастона, жена которого скончалась, родив здоровую девочку, до сих пор не сделал её бабушкой. Анна Австрийская утверждала, что у неё были два выкидыша, в то время как улицы Парижа были увешаны плакатами, гласившими, что французы не будут долго терпеть короля, неспособного произвести на свет наследника. Елизавета, королева Испании, хотя и была постоянно беременна, тоже пока не сумела родить здорового ребёнка. Точно также дело обстояло и с Кристиной, будущей герцогиней Савойской. В свой черёд, Генриетта Мария, живя в одном дворце с мужем, не видела его неделями, а при встрече они яростно ссорились. Всё это оказывало негативное влияние на интимную жизнь супругов, поэтому неудивительно, что у них на протяжении трёх лет не было детей.

С наступлением осени королева вернулась в Лондон. Однако, несмотря на советы матери и врачей, она не была беременна. 1 ноября 1627 года Генриетта Мария решила обратиться к известной пророчице Элеоноре Дэви, дочери лорда Каслхейвена. Эта леди была замужем дважды, причём несчастливо, так как оба мужа, не признавая за ней никаких спиритических способностей, бросили в огонь её книги пророчеств. Тем не менее, она сумела доказать свою правоту, за несколько дней до смерти первого супруга заказав себе вдовьи одежды, хотя никто не верил в его скорую кончину, включая самого джентльмена. Интересно, что Элеонора считала, что в прошлой жизни она была библейским пророком:

– Потому что буквы моего имени составляют анаграмму: «Откройся, о, Даниил!»

Но один из членов Тайного совета короля, упрекая её в распространении провокационных политических слухов, утверждал, что на самом деле буквы её имени составляют совершенно другую анаграмму: «Никогда ещё леди не была столь безумна!»

На момент обращения к ней Генриетты Марии пророчице было около двадцати шести, и она находилась на пике своей популярности «среди невежественных людей». Вечером после мессы в День Всех Святых в покоях королевы был устроен спиритический сеанс. Позже Элеонора утверждала, что первым вопросом Маленькой мадам было:

– Когда у меня будет дитя?

– Скоро! – был ответ.

Затем королева перешла к следующему вопросу, поинтересовавшись военными успехами герцога Бекингема.

– Что касается его чести, то он привезёт домой немного, но его персона должна вернуться в целостности и сохранности без особых хлопот.

Тогда Генриетта Мария вернулась к первой теме, и её заверили, что её первым ребёнком будет сын. После чего пророчица добавила:

– Какое-то время ваше величество будет счастлива.

– Но как долго? – с тревогой поинтересовалась королева.

– В течение шестнадцати лет; этого будет достаточно.

Однако на этом сеанс был прерван неожиданным появлением короля, который холодно поинтересовался у Элеоноры:

– Не вы ли предсказали смерть собственного мужа?

После чего избавил жену от общества пророчицы.

Спустя десять дней Бекингом высадился в Плимуте. Пытаясь помочь французским гугенотам, он потерял более 4000 из 7000 человек своего отряда, что не прибавило ему любви на родине. Вероятно, после своего возвращения герцог узнал о миссии Джермина в Париже и предупредил Генриетту Марию:

– В Англии были королевы, потерявшие голову.

Возможно, его слова имели двойной смысл.

Несколько месяцев спустя Людовик XIII сделал свою сестру настоящим посредником между двумя коронами, поскольку именно ей он вернул пленных, взятых во время осады Сен-Мартен-де-Ре в ноябре 1627 года: «Сударыня, сестра моя, Бог пожелал благословить моё оружие, чтобы милорд Монжуа, полковник Грей, несколько капитанов, офицеров и джентльменов оставались моими пленниками с того дня, как наступил восьмой день этого месяца. Я, конечно, хотел засвидетельствовать всему христианскому миру особое уважение, которое я питаю к вашей персоне, возвращая вам всех упомянутых заключённых, которых я передал по вашей просьбе в ваше распоряжение, поскольку ничто не побудило меня к этому, кроме дружбы, которую я питаю к вам, и моих чувств, которые я не могу не выразить, зная, что не смог бы придумать ничего более приятного для королевы, моей матери. Сьер Дюмо обеспечит моё крепкое здоровье; а я прошу вас позаботиться о вашем, которое мне очень дорого, мадам, моя сестра, ваш любящий брат Луи».

На самом деле, он возвращал заключённых английской королеве, которую, следовательно, считал главой страны. Это была провокация, направленная непосредственно против Карла I, который проигрывал войну. Отступление англичан превратилось в бегство. В конце апреля 1628 года герцог снарядил новую экспедицию к Ла-Рошели, отправив корабли под командой своего зятя графа Денби, который вскоре ни с чем вернулся в Англию.

Между тем по Лондону распространялись слухи, что Бекингом скоро будет убит. А леди, когда-то бывшая пророком Даниилом, уточнила:

– Его время наступит не раньше августа!

В конце июля 1628 года Бекингом прибыл в Портсмут, чтобы лично возглавить подготовительные работы к третьей экспедиции. А 23 августа бывший военный Джон Фельтон, недовольный тем, что герцог отказал ему в продвижении по службе, проник в апартаменты королевского фаворита в Портсмуте и вонзил нож в его грудь.

«Во второй раз за её короткую жизнь, – пишет Карола Оман, – длившуюся менее девятнадцати лет, нож фанатика повлиял на судьбу Генриетты Марии».

Карл I был на утренней молитве со своими домочадцами, когда ему сообщили о гибели его фаворита. Капеллан сделал паузу, во время которой королю на ухо сообщили горестную весть. После чего Карл с ужасающим хладнокровием произнёс:

– Продолжайте, отец мой!

Только удалившись в свои личные покои, король бросился на кровать и разрыдался. Карл остался верен своей привязанности к Стини и после его гибели. Бекингема похоронили в Вестминстерском аббатстве, рядом с могилами королевы Марии Стюарт и Елизаветы I Тюдор. Вспоминая об убитом, король называл его не иначе, как «мой мученик». Однако он больше не стал заводить фаворитов. Место Бекингема заняла Генриетта Мария. Её внимание к семье покойного Бекингема было «любезно принято» мужем. Хотя общественное мнение было единодушным: горе королевы не могло быть искренним.

Вскоре, к радости Генриетты Марии, начались переговоры о заключении мира с Францией, и ходили слухи, что Карл I также намерен примириться с Испанией.

После смерти Бекингема карьера Холланда резко пошла в гору. Благодаря дружбе с королевой он получил придворную должность её главного конюшего и стал ближайшим советником Карла I. Кроме того, граф пожизненно занимал посты лорда-лейтенанта Беркшира и Мидлсекса и был избран ректором Кембриджского университета. Что же касается Генри Джермина, то он стал вице-камергером (главным мажордомом) Генриетты Марии и в том же году его избрали депутатом парламента от Ливерпуля. Его интерес к деньгам вовсе не был таким корыстным, как позже утверждали его недоброжелатели. Жизнь при дворе, не говоря уже о его страсти к азартным играм, стоила очень дорого, и одного жалованья для этого было недостаточно. Но, благодаря Генриетте Марии, Джермин получил также должность на таможне, которая обеспечивала приток средств в его вечно тощий кошелёк. Кроме того, занимая пост вице-камергера, он контролировал доступ к своей царственной госпоже и, следовательно, играл ключевую роль при её дворе. Высокое положение Джермина, наверняка, способствовало тому, что его отец тоже занимал ряд придворных должностей: егеря королевы, вице-камергера короля, губернатора острова Джерси, контролёра королевского двора и, наконец, лорда-лейтенанта Саффолка. В то же время его старший брат Томас стал конюшим маленького принца Уэльского, затем – одновременно мировым судьёй и заместителем лейтенанта в Саффолке. Однако этого было мало, чтобы удовлетворить амбиции Джермина: он видел, каким влиянием пользовался Бекингем в Англии, Ришельё во Франции и Оливарес в Испании. И желал того же для себя.

Между тем, по свидетельствам современников, король словно заново влюбился в свою жену, а она – в него.

Придворный поэт Хабингтон ссылаясь в качестве примера на своего государя, воспевая супружескую любовь:

Пример принцев - закон: поэтому мы,
Как верноподданные, должны быть настоящими любовниками.

С 1627 года Генриетта Мария, наконец, стала получать свои 18 000 фунтов в год, положенных ей по брачному контракту, и, кроме того, ей были дарованы крупные поместья и земли, в том числе Гринвичский парк, где она обычно гуляла, когда ей хотелось свежего воздуха и

тишины. Супруги начали обмениваться подарками и портретами и скучать во время коротких разлук. Когда на рождественской неделе Карлу пришлось уехать на четыре дня в Теобальдс, королева установила его портрет возле своей кровати. В канун Рождества один из придворных осторожно сообщил в своём письме: «Мы здесь питаем некоторую надежду, что королева беременна, у неё есть некоторые признаки этого, но должно пройти больше времени, тогда мы будем знать об этом наверняка».

Когда же осенью 1628 года о беременности Генриетты Марии было объявлено официально, Оксфордский университет и городской совет приказали от радости звонить в колокола и зажечь костры. Однако не все радовались. Были задержаны два неосторожных болтуна, первый из которых заявил:

– Я бы хотел видеть её величество на дне океана!

Другой же предложил:

– Давайте повесим ей на шею мельничный жёрнов!

В Париже блаженство Марии Медичи было омрачено только тем, что сразу две её дочери собралась рожать в одно и тоже время в Турине и Лондоне. Поразмыслив, к кому ей отправить известную акушерку Перонн, флорентийка решила в пользу младшей дочери, чей ребёнок должен был унаследовать целое королевство. Но, увы, Перонн не успела добраться до Англии, и 12 мая в Гринвичский дворец была вызвана «бедная городская повитуха», которая, очутившись в королевской опочивальне, упала в обморок. По Лондону же ходили противоречивые слухи о причине преждевременных родов Генриетты Марии:

– Королеву напугали дерущиеся собаки, одна из которых вцепилась ей в платье!

– Она слишком много гуляла!

– А потом стала подниматься в гору!

Какова бы ни была причина, роды королевы начались примерно на десять недель раньше положенного срока. После того, как повитуху вынесли из спальни, прибыл хирург Чемберлен, и Карл I приказал ему:

– Вы должны во что бы то ни стало спасти жизнь королевы!

Долгожданный наследник появился на свет только около трёх часов следующего утра, 13 мая 1629 года, но он был настолько крошечным и слабым, что решено было немедленно окрестить его. Как только её муки закончились, Генриетта Мария погрузилась в спасительный сон. Карл же в соседней комнате спорил с её духовником, в лоно какой Церкви следует принять ребёнка. В конце концов, принц был крещён капелланом короля как «Чарльз Джеймс» и через час скончался. Той же ночью его похоронили в Вестминстерском аббатстве рядом с его дедом Яковом I.

Прибывший слишком поздно королевский врач Теодор Майерн нашёл королеву «полной сил и мужества», как всегда, в трудную минуту. Составив отчёт, он заметил:

– Нужно срочно отправить гонца во Францию, чтобы остановить мадам Перонн, которая теперь свободна и может навестить принцессу Пьемонтскую.

Обе сестры Генриетты Марии в том же году родили здоровых детей: Елизавета – сына, а Кристина – дочь.

Тогда же, весной, Карл I распустил свой третий парламент, заявив:

– В будущем я намерен править без парламента!

С тех пор Тайный совет стал главным органом, с помощью которого король управлял государством. Обычно он заседал в зале напротив королевской спальни в Уайтхолле, хотя, когда Карл посещал другие дворцы, его советники послушно следовали за своим господином. В состав Тайного совета входило сорок человек, в основном, чиновники и аристократы-землевладельцы. Хотя они обычно прислушивались к мнению короля, он тоже с радостью следовал их советам. Выполнение решений же возлагалось на двух государственных секретарей – Джона Кокса и лорда Рочестера, которого после его смерти в 1632 году заменил Фрэнсис Уиндебэнк.

При жизни Бекингема выполнял функции первого министра, хотя такой должности тогда не существовало.

После смерти фаворита этот неофициальный пост перешёл к Чарльзу Ричарду Уэстону, будущему графу Портленду и лорду-казначее Англии. При дворе началось постепенное оформление двух противостоявших друг другу фракций. Главой французской фракции стала королева Генриетта Мария, тогда как группа, выступавшая за сближение с Испанией, оказалась представлена Уэстоном и его сторонниками.

Французский посол Шарль де л'Обеспин, маркиз Шатонеф, прибывший летом 1629 года в Англию с целью заключения мира и достижения возможного сотрудничества с англичанами против Мадрида, нашёл королеву окружённой самым пристальным вниманием короля и придворных. Согласно мирному договору, заключённому в августе, Карл I отказывался от вмешательства во внутренние дела Франции, касавшиеся её протестантских подданных, тогда как Людовик XIII, в свою очередь, снимал свои претензии к Карлу I, касавшиеся обязательства по содержанию свиты королевы и возвращению прав английским католикам, как это подразумевалось статьями брачного договора. Шатонеф приложил все усилия, чтобы стать своим человеком при дворе, и добился расположения короля и королевы, которую он посещал каждый день. С мастерством ловкого придворного маркиз стал политическим наставником королевы. Он приблизил к себе француза Франсуа Рошешуара, шевалье де Жара, партнёра короля по игре в мяч и бывшего компаньона Бекингема, находившегося при английском дворе со времени своего участия в заговоре против Ришельё в 1626 году. Два француза, ставшие «близкими друзьями», вместе планировали создание придворной фракции, «состоящей из графа Холланда, Монтегю и прочих, при поддержке королевы». В число «прочих» входили маркиз Гамильтон, который был в очереди на шотландский трон после Стюартов, граф Нортумберленд, его брат Генри Перси, и, конечно, Джермин.

Несмотря на все успехи Шатонефа при английском дворе, во Франции результаты его действий были признаны неудовлетворительными, так как посол несколько не продвинулся в вопросе о союзном договоре. Поскольку Шатонеф оказался вовлечён в придворные интриги гораздо сильнее, чем это полагалось официальному представителю другой страны, в итоге Ришельё принял решение в апреле 1630 года отозвать маркиза домой. С его преемником Франсуа дю Валем, маркизом де Фонтенуа-Марей, отношения у Генриетты Марии не сложились с самого начала, так как он предпочёл поддержку Уэстона борьбе с ним, считая, что в противном случае вряд ли чего-то добьётся от англичан. В связи с чем венецианский посол Соранцо иронично заметил:

– Что построил один, разрушает второй.

Ещё более осложнили положение де Фонтенуа-Марей действия Шатонефа на родине. По прибытии во Францию тот оказался вовлечённым в заговор против Ришельё, в котором также приняли участие Анна Австрийская, Мария Медичи и герцог Орлеанский, и попытался вовлечь в него своих английских сторонников. Второй мишенью заговорщиков стал Уэстон, который воспринимался как главное препятствие на пути сближения Англии и Франции. Их планы были раскрыты в конце 1632 года благодаря энергичным действиям де Фонтенуа-Марей. Нанятые им грабители вскрыли дом де Жара и добыли секретную переписку шевалье с Шатонефом. Окончательный удар был нанесён кардиналом Ришельё, который великодушно передал Уэстону бумаги, подтверждающие участие Генриетты-Марии в интригах Шатонефа. Последний и шевалье де Жар были заключены в Бастилию, а доверие Карла I к Генриетте Марии оказалось серьёзно подорванным. В течение года фракция королевы оставалась не у дел. При дворе роль главного оппонента Уэстона перешла к архиепископу Лоду, хотя Холланд, претендовавший на роль королевского фаворита, продолжал делать попытки ослабить лорда-казначея.

В состав испанской фракции вошли представители новой знати, королевские министры, достигшие своего положения благодаря успешной службе Карлу I и его отцу. Тесно связанным с Уэстоном был барон Фрэнсис Коттингтон, канцлер казначейства в 1629–1642 годах. К ним примыкали Фрэнсис Уиндебэнк, государственный секретарь, и Томас Уэнтуорт, будущий граф Страффорд, который в 1632 году был назначен лордом-лейтенантом Ирландии.

Почти одновременно с Шатонефом в Лондон для переговоров с Карлом I в качестве частного лица прибыл Питер Пауль Рубенс. Послам Франции, Голландии и Венеции не составило труда сделать вывод о настоящей цели его визита: задачей этого гениального живописца было убедить Карла I обменяться с испанской стороной дипломатическими представителями. Король выразил согласие с предложением Рубенса и решил послать в Испанию Фрэнсиса Коттингтона, который во время прощальной аудиенции поинтересовался у королевы:

– Какую услугу вам было бы приятно оказать вашей сестре?

– У меня нет никаких дел ни с Испанией, ни с каким-либо лицом там! – резко ответила Генриетта Мария.

В данном случае королевой двигала не только обида из-за того, что её сестра Елизавета с началом франко-испанской войны прекратила всякие отношения с родными, но и стремление повлиять на мужа в пользу своей родной страны. Когда же девять месяцев спустя Карл I всё-таки заключил договор с испанским королём, она отказалась надеть праздничный наряд на банкет, устроенный в честь его посла.

Но, хотя король уважал Уэстона, тому недоставало энергии и честолюбия Бекингема, чтобы править единолично, поэтому любой придворный, «благодаря доступу к королевским ушам», по словам писателя Энтони Адольфа, мог использовать это в своих интересах. Впрочем, ещё в конце 1628 года один придворный заметил, что король «настолько привязался к своей жене... что они вне опасности перед любым фаворитом».

Главной заботой Карла I теперь было полное выздоровление Генриетты Марии, замедленное «приступами другого характера». Они были вызваны памфлетами, в которых Маленькая мадам обнаружила себя «поносимой, как дочь Хета, хананея, и идолопоклонница». Перспектива, что королева-папистка подарит Англии наследника, вызвала возмущение у парламентских «болтунов».

– Лучше пусть нашим следующим королём станет сын королевы Богемии! – заявляли они, имея в виду сестру короля, протестантку Елизавету Стюарт.

Но король не обращал никакого внимания на недовольство своих подданных. Маркиз Шатонеф восторженно писал о преданности Карла I своей жене. Поцеловав её «сто раз» в течение часа, король с гордостью сказал послу:

– Вы не увидите такого ни в Турине, ни во Франции.

В свой черёд, Генриетта Мария призналась, что в детстве немного завидовала Кристине, которой их мать, как ей казалось, уделяла больше внимания. После чего прибавила:

– Но теперь я не только самая счастливая принцесса, но и самая счастливая женщина в мире! Слава Богу, опасность миновала, а что касается моей потери, то я хочу забыть о ней.

– Твоя мать посылает тебе губернатора, – заметил её супруг, узнав от Шатонефа, что Мария Медичи хочет заменить духовника дочери, шотландца отца Филиппа, французским епископом.

– Я больше не ребёнок, – отрезала королева.

Казалось, она так привыкла к своим английским приближённым, что даже равнодушно отнеслась к назначению шестидесяти французских слуг, обещанных ей:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.